
Н. М. Карамзин
ЗАПИСКА
О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ
РОССИИ

Н. М. Карамзин

ЗАПИСКА О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ в ее политическом и гражданском отношениях

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1991

ББК 63.3(2)47
К 21

Предисловие, подготовка текста
и примечания

Ю. С. ПИВОВАРОВА

Редактор издательства

Е. Г. РУДЕНКО

[redacted]

Карамзин Н. М.

К 21 Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 127 с.

ISBN 5-02-017587-0

Выдающийся памятник русской национальной государственной мысли, крайне мало известный широким кругам читателей, интересующихся историей России. Написанная знаменитым русским писателем в 1811 г. по просьбе великой княгини Екатерины Павловны, младшей сестры Александра I, «Записка» — это яркое публицистическое произведение, интереснейший документ политической и идейной борьбы в верхах русского образованного общества того времени.

К $\frac{0503010000-185}{013(02)-91}$ Без объявления ББК 63.3(2)47

ISBN 5-02-017587-0

ВРЕМЯ КАРАМЗИНА И "ЗАПИСКА О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ"

Итак, время Карамзина пришло. Его имя на устах у всех. О нем пишут, говорят, наконец, издают. Читают ли? Бог весть. Но то, что он стал фигурой актуальной и модной, — это факт. И далеко не неожиданный и не случайный. Наше общество исподволь подбиралось к Карамзину. Карамзин же — к новой своей славе. Ю. М. Лотман замечает, что «с 1960-х годов происходит ощутимый процесс возрождения Карамзина как активно читаемого писателя»[1]. Относительно «читаемости», повторяю, вопрос неясный. Скорее постепенно зрело любопытство: почему так мало печатают Карамзина? Да и как-то выборочно. А где же его «История государства Российского»? А еще, говорят, есть какая-то «Записка о древней и новой России». Что же в них *такого про нас* сказано? Иными словами, Карамзин становился *интересным*. Ну, как Чаадаев или Розанов. Как запретный плод.

Но беру на себя смелость утверждать, что «возрождение Карамзина» имеет свой особый характер. Не в том, конечно, смысле, что оно важнее и значительнее по глубине и последствиям «возрождения» и возвращения к нам любого другого деятеля русской культуры. А в том, что именно сегодня, сейчас, в наши дни существует острая потребность разобраться с Карамзиным. Почему? Думаю, причин здесь несколько. Назову главную — в истории русской послепетровской культуры, русского просвещения Карамзин сыграл роль... Нет, пожалуй, так с ходу и однозначно не скажешь, *какую* роль. В общем Карамзин во многом (может даже, и в наиболее важном?) предопределил русское просвещение... Однако и это не совсем ясно — в *чем* предопределил, *как*

предопределил? И Карамзин ли? А не Пушкин, который «наше все» (Ап. Григорьев)?

Впрочем, князь Петр Андреевич Вяземский через месяц с небольшим после смерти Карамзина в письме к Пушкину нашел, кажется, *те самые*, необходимые слова: «Все русское просвещение начинается, вертится и сосредотачивается в Карамзине». Да, да, это я и хотел сказать. Хотя... Хотя то, что было очевидно для Вяземского и Пушкина, Жуковского и Гоголя, Ап. Григорьева и всех этих людей начала и середины девятнадцатого столетия, разве столь же очевидно для поколений последующих? Для нас с вами. Полно, так ли уж «начинается, вертится и сосредотачивается»? И «русское просвещение». Что это?

Это — русская культура петербургского периода, или в социологическом плане культурная функция русско-европейской цивилизации, сложившейся у нас в результате реформ Петра. Ее, так сказать, культурное измерение. Основным содержанием этой новой культуры и было просвещение. Но просвещение в кантовском (*«Aufklärung ist Ausgang des Menschen aus seiner selbstverschuldeten Unmündigkeit»*) — и ни каком другом! — смысле. То есть работа, в ходе которой происходит взросление человека, формирование его как взрослой, «совершеннолетней» личности, без опосредований предстоящей перед Богом, природой, историей. Просвещение включает в себя и десакрализацию социальных отношений, и секуляризацию сознания, оно предполагает новый язык и новые формы быта. Оно обязательно влечет кризис веры и кризис самоидентификации личности. Просвещение означает грандиозный сдвиг в истории человечества.

Я намеренно не хочу обсуждать вопрос о том, каждый ли народ (социально-культурная общность, цивилизация) проходит эту фазу исторического развития. Но народы христианские проходят. Другое дело, в какой форме и насколько органично. У нас получилось не очень органично и не очень удачно. Не очень удачно, конечно, в плане «выхода из несовершеннолетия». Культуру-то в узком смысле, культуру как интеллектуально-эстетическое творчество мы создали потрясающую и бессмертную. «Я весь мир заставил плакать / Над красой земли моей» — не только автор этих слов, но и десятки других имеют на них право. Однако тот же Пастернак на последней странице своего романа (а значит, выношенное, итоговое, кровное) говорит о некой коренной неудаче русского просвещения. Оно — «стало русской революцией». Там, в романе, свой ход рассуждения, свой контекст. Но знаменательно уже то, что, завершая

главное дело жизни (по убеждению самого поэта), он касается темы «русское просвещение — русская революция».

И здесь Пастернак выходит на одну из центральных проблем нашего исторического самопознания. Правда, лишь выходит, но формулирует, ставит эту проблему не совсем верно, не в той плоскости. Ведь по сути дела, *каждое* национальное просвещение кончается революцией. Традиционно — и, наверное, не очень точно — мы называем их буржуазными, антифеодальными и т.п. Так что и русское просвещение должно было вылиться в революцию. Вот только вопрос — в какую? Теперь-то известно в *какую*...

Если мы действительно хотим понять, *что* с нами произошло, *почему* русская революция приняла *такой* оборот и принесла *такие* результаты, то мы обязаны трезво и беспощадно («с последней прямотой») проанализировать ту культуру, ту эпоху, из которой эта революция вышла. Другими словами, перед нами стоит грандиозная тема — «русское просвещение». И здесь имя Карамзина вспыхивает ярчайшим светом. Им заканчивается подготовительный период культурного развития послепетровской России и им же начинается новый — зрелости, расцвета, плодоношения. Период Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Соловьева, Мусоргского и других.

Язык, на котором заговорил Карамзин, несмотря на всю свою позднейшую эволюцию и совершенствование, стал русским литературным языком, языком русского просвещения. Его «История государства Российского» не только и не просто выдающееся историческое сочинение, не только и не просто первое систематическое изложение отечественной истории — хотя уже и этого достаточно, чтобы навсегда остаться в памяти потомков — но и один из первых (может быть, первый) вариантов мифа о России. Позднее различные варианты этого мифа создавали Чаадаев, славянофилы, западники, почвенники, революционные демократы, Достоевский, народники, либералы пореформенного периода, евразийцы и многие другие. К сожалению, в небольшой статье я не могу основательно и подробно разобрать вопрос о природе этого мифа и его месте в русском самосознании. Но несколько слов все же сказать следует. Это одна из центральных тем при изучении послепетровской культуры и, если угодно, важнейшая «категория» нашей мысли XIX — первой трети XX века. Состав мифа о России крайне сложен. И прежде всего из-за наличия в нем *разнородных* элементов. Здесь и идеи, унаследованные от культуры Московской Руси, — разумеется, «модернизированные», вплетенные в духовно-

интеллектуальную ткань совершенно иной исторической эпохи, и идеи, заимствованные у Запада, — причем у различных школ и направлений европейского гуманитарного знания, и идеи, выработанные самостоятельно. Кроме того, каждый вариант мифа представляет собой неповторимый сплав тех или других идей.

Но — и это принципиально важно — при всей своей многовариантности миф все же один. Какими бы непохожими ни казались его разновидности, есть *нечто*, что связывает их воедино. И это нечто — не та или иная (пусть и страшно значительная) характеристика, черта. Это — общие их корни, общая «среда обитания». Это — принадлежность их к одной культуре. Миф о России представляется мне совокупностью его вариантов, где каждый в форме идеологии-утопии, опрокинутой в прошлое-будущее, выражает какую-то сторону «русской души» (ее исторически неповторимые ценности и свойства) и одновременно пытается понять день сегодняшний, а следовательно, дать ответы на вопросы: «кто виноват?» и «что делать?».

Должен сказать, что я усиленно подчеркиваю *одноприродность* мифа о России в связи с очень серьезным обстоятельством. В нашем обществе традиционно устойчивы воззрения, согласно которым имеется «плохая Россия» и «хорошая Россия» (разумеется, «хорошая» для одних является «плохой» для других; на различных этапах исторического развития одна и та же «Россия» оценивается совсем неодинаково и т.д.). Соответственно все плохое в современной жизни (как и в жизни каждого предшествующего поколения) списывается на «плохую Россию». Я считаю, что такой подход глубоко ошибочен. Есть одна Россия (как одна Германия, одна Италия), одна русская культура. Другое дело, что имеются субкультуры, а в рамках субкультур — их разновидности. И вся Россия, все русские субкультуры виновны в том плохом, что было.

Приведу конкретный пример. У всех сейчас на слуху движение «Память» (не называю «Память» обществом или организацией, потому что в юридическом отношении она таковым не является). И достаточно принято идеологию этого движения возводить не только к черносотенству, но и к почвенничеству и даже к славянофильству. Спору нет, в том, что говорит «Память», можно обнаружить и идеи, почерпнутые у Хомякова, Аксаковых, Леонтьева и др. Идеи, безусловно, модернизированные и приспособленные для собственных нужд. Но объявлять именно этих русских мыслителей ответственными за деятельность «Памяти» неверно. И

прежде всего потому, что, хотя «Память» действительно пытается реанимировать некоторые отечественные политические и идеологические традиции, а ее теоретики берут себе на потребу (повторяю, нередко вырывая из контекста, извращая) многое из наработанного русской консервативной мыслью, само это движение стало возможным лишь в силу *определенного* состояния *всего* нашего общества, *всей* нашей культуры. А поскольку к этому определенному состоянию общество и культура пришли в ходе исторической эволюции, то, для того чтобы понять феномен «Памяти» (впрочем, и все другие социоидеологические феномены), следует, видимо, проанализировать и саму историческую эволюцию русского общества и русской культуры, и вместе с тем общество и культуру как некие целостности с некими исторически сложившимися «архетипами».

Главное, убежден, не в установлении факта заимствования идей — известно, как по-разному в различные эпохи и в разных устах звучат одни и те же мысли. Главное в том, что подобный анализ неизбежно обнаружит у всех направлений русской культуры, скажем, симптомы ксенофобии и нетерпимости. И для кого более они характерны — для почвенников или революционных демократов, ответить, пожалуй, трудно. Но для меня совершенно очевидно, что наличие у русской культуры именно такого рода свойств и является основной причиной появления движений *типа* «Памяти». Типа — значит не обязательно с той же идеологической окраской, что у «Памяти», но обязательно — с исконным, смертельным врагом, с какой-то совершенно исключительной (социальной, национальной, культурной) общностью, чьи интересы (то или иное) движение выражает, с обещанием водворения порядка, соответствующего неким высшим идеальным нормам (универсальным историческим закономерностям, национальному духу и почве) и т.п.

Возвращаясь непосредственно к теме об *одноприродности* мифа о России, хочу заметить, что особенно хорошо она видна при рассмотрении вопроса «что делать?» Знаменательно, что создатели всех версий этого мифа решали его *типологически одинаково*. Вот Чаадаев, столкнувшись с «грубой действительностью», говорит, что, коль земные дела нам не благоприятствуют, будем штурмовать небо. Вот Гоголь от грусти и мерзости жизни спасается в утопиях второго тома «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями». Вот топор Чернышевского и разбойники Бакунина, «хождение в народ» и толстовство Толстого, вот чудотворная

икона русской истории прошлого века — крестьянская община, вот шатовщина и многое другое.

В чем же общее между этими вариантами ответа на «что делать?» Оно в следующем: все это попытки «обмануть действительность». В каком смысле «обмануть»? Ну в том самом, который имел в виду Ап. Григорьев, говоря о жизненном выборе Карамзина: «Карамзин как великий писатель был вполне русский человек, человек своей почвы, своей страны. Сначала он приступил к жизни, его окружавшей, с требованиями высшего идеала, идеала, выработанного жизнью остального человечества. Идеал этот, конечно, оказался несостоятелен перед действительностью, которая окружала великого писателя... В этой действительности можно было или только погибнуть... либо... не то, что ей подчиниться, но обмануть ее... И Карамзин это сделал. Он обманул современную ему действительность. Он стал историком "государства Российского"; он, может быть, сознательно, может быть, нет, — вопрос трудный для разрешения, ибо талантливый человек сам себя способен обманывать, — подложил требования западного человеческого идеала под данные нашей истории...»[2]

Я не буду сейчас спорить с мнением Ап. Григорьева относительно идеала, с которым Карамзин сначала приступил к жизни, а потом, обжегшись в ней или о нее, «подложил» этот идеал под «данные нашей истории». Главное здесь другое. Были некие идеалы, не связанные кровно с действительностью, почвой, не выработанные собственной культурой, были столкновение с жизнью и затем уход в писание истории под углом зрения неких идеалов (при этом, разумеется, происходило и определенное изменение самих идеалов). Вот такой жизненный выбор и называется «обмануть действительность». То есть уйти от решения задач дня сегодняшнего, задач действительности. Убежден, что все варианты мифа о России созидались схожим образом. Сначала усвоение тех или иных идеалов, затем столкновение с жизнью и, как следствие, формулирование мифа, утопии, идеологии, позволяющих преодолеть, «снять» дурную действительность. Если не благоприятствуют обстоятельства и/или нет воли к действию, то «снятие» происходит на уровне идей. Если же складывается подходящая ситуация и наличествуют необходимые амбиции, то действительность «преодолевается» по-настоящему.

Так же как Карамзин, «обманули» действительность и Чаадаев, и Гоголь, и славянофилы, и западники, и Щедрин, и Толстой, и Леонтьев, и Чернышевский, и Герцен, и

Достоевский, и другие. Но Карамзин в этом списке, пожалуй, первый. Не по ранжиру, конечно, — по времени.

Он вообще по времени первый в очень многом. Литературный язык, история Отечества, миф о России и еще — не менее значительное! — модель независимого человека. *Русская* модель независимого человека — субъекта, двигателя, творца, цели, жертвы культуры Просвещения. Всей своей жизнью и деятельностью Карамзин *вырабатывал* эту модель.

О принципиальной новизне того, что делал Карамзин, можно говорить и дальше. Однако достаточно и этого. Достаточно для того, чтобы увидеть в нем *ключевую фигуру* послепетровской культуры. И пришло время глубоко и многосторонне проанализировать наследие этого мыслителя и художника именно в контексте изучения темы «русское просвещение — русская революция». Именно в таком смысле, или прежде всего в таком, пришло время Карамзина.

Несколько слов о публикуемой ниже Записке Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Это произведение было написано по просьбе великой княгини Екатерины Павловны, младшей сестры Александра I. Карамзин познакомился с ней в 1809 г., а в 1810 несколько раз приезжал в Тверь, где великая княгиня жила со своим мужем, принцем Георгом Ольденбургским — губернатором тверским, ярославским и новгородским. Екатерина Павловна была одной из самых блестящих и образованных женщин своего времени, она пользовалась значительным влиянием в придворных кругах, с мнением «тверской полубогини» (Карамзин) считался и ее венценосный брат. В годы, предшествовавшие войне 1812 г., великая княгиня собирала вокруг себя людей, недовольных либеральным и реформистским курсом Александра I (главным врагом почитался находившийся тогда в зените славы Сперанский); в определенном смысле ее тверская резиденция превратилась в штаб-квартиру охранительных сил русского общества.

Разумеется, Карамзин со своим резким и твердым неприятием политического реформизма, да и самого либерального духа «дней Александровых прекрасного начала» пришелся в Твери ко двору. Он читал здесь первые тома «Истории государства Российского, здесь же начинал осваивать роль «советника царей» и своеобразного светского духовника членов императорской фамилии (пройдет несколько лет, и перед нами Карамзин, вольно и даже в поучающем

тоне беседующий с матерью Александра I — Марией Федоровной. Императрица Елизавета Алексеевна читает ему свои дневники, дойдя же до мест «слишком интимного свойства», протягивает тетрадь, и Карамзин дочитывает молча). Однажды между Екатериной Павловной и Карамзиным произошел разговор о политической ситуации в России, о правительственных реформах и т.п. Великая княгиня с большим интересом выслушала Карамзина и попросила изложить его мысли на бумаге. «Брат мой достоин их слышать», — сказала она.

В феврале 1811 г. историк читает свою новую работу Екатерине Павловне. А через месяц великая княгиня представляет Карамзина императору, приехавшему в Тверь. Александр благосклонно выслушивает главы из «Истории государства Российского» и беседует с автором о самодержавии. Мнения расходятся: историк твердо отстаивает идею незыблемости господствующего порядка, самодержец склоняется к необходимости его модернизации. Ночью перед отъездом Александр читает «Записку о древней и новой России». Прощается он с Карамзиным холодно. Текст Записки остается у Екатерины Павловны.

Дальнейшая судьба оригинала Записки неизвестна. По мнению русского исследователя В. В. Сиповского, он или сгорел в 1812 г. во время пожара Аничкова дворца, или Екатерина Павловна, выйдя вторым браком за герцога Вюртембергского, увезла его в Штутгарт. Но предусмотрительный Карамзин перед поездкой в Тверь снял с оригинала несколько копий, затем, в свою очередь, с карамзинских копий были сняты новые. Они хранятся в различных отечественных архивах. Что же касается истории публикации Записки (точнее, попыток ее публикации), то она сама по себе — *характерный факт* нашей политической культуры. Если говорить в двух словах — ей «не повезло». До революции по одним причинам, после — по другим. Первым сделал попытку Пушкин. В 1837 г. (уже после смерти поэта) в пятом томе его «Современника» появился отрывок «Древней и новой России». Затем в несколько более полном виде этот же отрывок был воспроизведен И. Эйнерлингом в приложении к пятому изданию «Истории государства Российского» (1843). В 1861 г. свет увидело двухтомное сочинение барона М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского», в котором весьма обильно цитировалась карамзинская Записка. В том же году она вышла отдельной брошюрой в Берлине (издатель неизвестен). Текст был

подготовлен небрежно, содержал много ошибок, искажающих смысл.

Следующую попытку предпринял П. И. Бартенев. В 1870 г. он напечатал Записку в издаваемом им «Русском архиве» (№ 71, стлб. 2231-2350). Текст выглядел уже вполне сносно — чувствовалась рука опытного исследователя и издателя, цензура выбросила немногое. Но неожиданно последовала команда Записку из номера вырезать и уничтожить. Это и было сделано, поскольку тираж еще находился в типографии. Правда, отдельные оттиски бартеневского издания сохранились.

В 1900 г. А. Н. Пыпин в приложении к третьему изданию своей книги «Общественное движение в России при Александре I» опубликовал «Древнюю и новую Россию». В целом специалисты невысоко оценивают качество пыпинского варианта Записки. Незадолго до революции, в 1914 г., «Древняя и новая Россия» выходит под редакцией В. В. Сиповского. Издание текста взяла на себя правнучка Карамзина — графиня М. Н. Толстая. Она же помогла Сиповскому отыскать в Собственной Его Императорского Величества библиотеке хорошую копию Записки. Безусловно, публикация Сиповского — Толстой является лучшей из всех дореволюционных. Хотя и она далеко не безупречна.

Почти через полвека (в 1959 г.) известный американский историк Ричард Пайпс издал Записку на английском (в своем переводе) и русском языках. При этом он опирался на вариант Сиповского (с небольшими поправками и с указанием на некоторые расхождения с другими публикациями текста). И наконец, в 1988 г. Записка впервые выходит в СССР — в журнале «Литературная учеба» (№ 4). Текст подготовил и прокомментировал А. Ю. Сегень, автор вступительной статьи — Ю. М. Лотман. В научном отношении это издание, вне всякого сомнения, превосходит все предшествовавшие. Особенно важно то, что А. Ю. Сегень, воспроизведя в «Литературной учебе» текст Записки по наиболее авторитетным среди исследователей копиям, отметил расхождения своего варианта с публикациями Пушкина, Эйнерлинга, берлинской 1861 г., Корфа, Бартенева, Пыпина, Сиповского и Пайпса.

Однако тираж «Литературной учебы» невелик — всего двадцать тысяч. Это означает, что Записка дойдет далеко не до всех «своих» потенциальных читателей. Поэтому-то и было принято решение напечатать ее отдельным изданием. В основу настоящей публикации положен вариант Сиповского,

сверенный и отчасти исправленный по изданию Лотмана — Сегеня.

Правда, существует еще одно, наверное не менее важное, обстоятельство, в связи с которым публикация Записки целесообразна именно *отдельным* изданием. Дело в том, что «Древняя и новая Россия», говоря современным языком, есть один из первых у нас опытов ретроспективной и сравнительной политологии. Конечно, такое заявление может показаться чересчур рискованным и вольным. Какая там политология в начале девятнадцатого века! «Последний летописец» и первый русский политолог в одном лице — смешно! Да и вообще вопрос с отечественной политологией неясен. Что она и где она? Думается, отчасти подобные возражения были бы справедливы. В моем понимании Записки Карамзина есть и определенная доля субъективности, и, наверное, элементы осовременивания (хотя не природное ли право автора — быть субъективным?). Однако вопрос-то на самом деле серьезнее и сложнее. Что есть политология? Если под ней разуметь *только* политическую науку с ее специфической методологией, инструментарием и языком, то, безусловно, Карамзин здесь ни при чем. Кстати, как и вся блестящая когорта русских политических мыслителей XIX — начала XX в. И подавляющее большинство по-русски пишущих о «политическом» сегодня.

Но возможно и другое понимание политологии. Не столь узкое и не столь ограниченное во временном отношении. *Эта* политология существует уже не одно тысячелетие, во всяком случае Платон и Аристотель — ее представители. Она является одной из важнейших «отраслей» самопознания человечества, или, иными словами, одним из важнейших направлений гуманитарного знания и науки об обществе. Такая политология в разные эпохи и у разных народов бывает очень разной, но всегда ей свойственно стремление к постижению природы «политического». Ее можно было бы назвать политической философией, но она занимается не только общим, не только «смыслом», но и конкретным, фактом, институтами. Как правило, это политология ретроспективная и сравнительная, ибо именно компаративистика и ретроспекция создают наилучшие возможности для проникновения в природу «политического».

Подобная политология с давних пор имеется и в России. И у отечественной политологии богатые и славные традиции.

Вспомним хотя бы Чаадаева, славянофилов, западников, Герцена, Данилевского, Леонтьева, Соловьева, Розанова и т.д. Но начиналась она именно Запиской Карамзина, а также работами все еще не оцененного нами гениального Сперанского. Начиналась в эпоху, предшествовавшую войне 1812 г., в эпоху, во многом определившую весь русский девятнадцатый век.

Вместе с тем «Древняя и новая Россия» не только один из первых наших политологических трактатов — это и яркое публицистическое произведение, интереснейший документ политической и идейной борьбы в верхах русского образованного общества в прологе прошлого столетия. Это в значительной степени и автореферат создававшейся в те годы «Истории государства Российского». Это и своеобразный манифест русского политического консерватизма. В Записке сформулированы многие важнейшие положения отечественной консервативной идеологии.

Так, утверждается, что единственно возможный для России политический строй — самодержавие (оно есть «палладиум России»). Само самодержавие понимается как «надклассовая», надсословная сила, обеспечивающая движение русского общества вперед (движение вперед для Карамзина заключается по преимуществу в нравственном совершенствовании народа). В ходе исторического процесса самодержавие становится все более мягким и «разумным» — оно постепенно переходит от «самовластия» к своеобразному варианту просвещенного абсолютизма. Своеобразие это состоит в патриархальном («отеческом») типе правления. Любые попытки ограничения самодержавия отвергаются. Монарх руководствуется не юридическим законом, а действует по «единой совести», воля самодержца — «живой закон».

Кроме того, в Записке содержатся и такие классические принципы (точнее, здесь они звучат впервые, «классикой» станут позднее) русской консервативной идеологии: «требуем более мудрости охранительной, нежели творческой»; «всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости»; «для твердости бытия государственного безопаснее порабощать людей, нежели дать им не вовремя свободу». Классическими для отечественного консерватизма следует признать и те противоречия, которыми изобилуют рассуждения Карамзина в Записке. К примеру, с одной стороны, рисуется образ «идеального самодержавия», и этот образ занимает центральное место во всей идеологической постройке, с другой — резко критикуется самодержавие реальное (и самодержцы тоже).

По сути дела, Карамзин противопоставляет историческому самодержавию — идеальное. Наверное, он шел на это с определенным умыслом — *с умыслом назидания, поучения*. Как не вспомнить здесь вновь, что именно в те годы Карамзин примеривается к роли «советника царей», затем придут роли светского духовника членов императорской фамилии и даже некоего светского старца. Эти странные роли (особенно последняя) вовсе не странны в той культуре, которая окончательно сложилась в России на рубеже XVIII — XIX вв. Одной из ее особенностей было то, что в «общей диспозиции» церкви отводилось очень скромное место. И многие ее функции взяли на себя другие «институты». Одним из таких институтов стала литература — «церковь» русской интеллигенции. Правда, в эпоху Карамзина «церковью» литература еще не была, в качестве «церкви» она только созидалась. Расцвет же ее придется на вторую половину столетия. Но Карамзин приложил немало сил для ее строительства. Более того, он — первый великий «старец» этой еще создававшейся «церкви». Он первый русский литератор, присвоивший себе право поучать власть и общество. Вслед на ним явились другие «старцы», другие «учителя» — Гоголь, Достоевский, Толстой.

Но лишь назиданием и поучением объяснить противопоставление (фактическое) исторического самодержавия идеальному нельзя. Здесь все и тоньше и сложнее. И противопоставление это связано, по всей видимости, с какими-то коренными качествами мировоззрения Карамзина. Так, заметим, что самодержавие для него есть институт сакральный. Но самодержцев он критикует как «обычных политиков». Карамзинская критика практически всех русских императоров есть типично *политическая* (по своей природе) критика. Она характерна для европейской культуры нового времени, но ее совершенно невозможно представить в рамках той традиционной культуры, которая и выработала идею сакральной власти (в нашем случае — самодержавия). Следовательно, налицо сочетание блоков идей, принадлежащих принципиально различным типам культур — традиционной и модернизированной (или модернизирующейся, культуры просвещения). И сочетание это весьма причудливое: сочетание несовместимых подходов и пониманий. Позднее мы будем сталкиваться с подобным сочетанием, а точнее, фундаментальным противоречием практически во всех версиях отечественной консервативной идеологии.

В заключение этой вступительной статьи хочу отметить один любопытный факт. Будучи, по существу, неизвестной русскому обществу, «Записка о древней и новой России» каким-то непостижимым образом все-таки оказывала влияние на его умственное развитие. Подчеркиваю: я говорю не о творчестве Карамзина вообще, а о Записке. Откройте «Выбранные места из переписки с друзьями», и вы поразитесь схожести тона, мыслей, видений, интонации, наконец. А ведь Гоголь наверняка не знал «Древней и новой России» (выжимки, подготовленные Пушкиным? — маловато). Но и не только Гоголь. Толстой, скажем. А затем Розанов. Как это понять, как объяснить? Что за странная это книга — русская культура?

Примечания

1 *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987, с. 317.
2 *Григорьев А. А.* Эстетика и критика. М., 1980, с. 186.

ЗАПИСКА О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ В ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОМ И ГРАЖДАНСКОМ ОТНОШЕНИЯХ *

Несть лести в языце моем.
(Псал. 138)

Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее.

От моря Каспийского до Балтийского, от Черного до Ледовитого, за тысячу лет пред сим жили народы кочевые, звероловные и земледельческие, среди обширных пустынь, известных грекам и римлянам более по сказкам баснословия, нежели по верным описаниям очевидцев. Провидению угодно было составить из сих разнородных племен обширнейшее государство в мире.

Рим, некогда сильный доблестью, ослабел в неге и пал, сокрушенный мышцею варваров северных. Началось новое творение: явились новые народы, новые нравы, и Европа восприняла новый образ, доныне ею сохраненный в главных чертах ее бытия политического. Одним словом,

---

* В публикации сохранены некоторые особенности авторской пунктуации и орфографии.

на развалинах владычества римского основалось в Европе владычество народов германских.

В сию новую, общую систему вошла и Россия. Скандинавия, гнездо витязей беспокойных — officina gentium, vagina nationum[1], — дала нашему отечеству первых государей, добровольно принятых славянскими и чудскими племенами, обитавшими на берегах Ильменя, Бела-озера и реки Великой. «Идите, — сказали им чудь и славяне, наскучив своими внутренними междоусобиями, — идите княжить и властвовать над нами. Земля наша обильна и велика, но порядка в ней не видим». Сие случилось в 862 году, а в конце X в[ека] Европейская Россия была уже не менее нынешней, то есть, во сто лет, она достигла от колыбели до величия редкого. В 964 г. россияне, как наемники греков, сражались в Сицилии с аравитянами, а после в окрестностях Вавилона[2].

Что произвело феномен столь удивительный в истории? Пылкая, романтическая страсть наших первых князей к завоеваниям и единовластие, ими основанное на развалинах множества слабых, несогласных держав народных, из коих составилась Россия. Рюрик, Олег, Святослав, Владимир[3] не давали образумиться гражданам в быстром течении побед, в непрестанном шуме воинских станов, платя им славою и добычею за утрату прежней вольности, бедной и мятежной.

В XI в[еке] Государство Российское могло, как бодрый, пылкий юноша, обещать себе долголетие и славную деятельность. Монархи его в твердой руке своей держали судьбы миллионов, озаренные блеском побед, окруженные воинственною, благородною дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановением воздвигали рать и движением перста указывали ей путь к Воспору Фракийскому, или к горам Карпатским. В счастливом отдохновении мира государь пировал с вельможами и народом, как отец среди семейства мно-

гочисленного. Пустыни украсились городами, города — избранными жителями; свирепость диких нравов смягчилась верою христианскою; на берегах Днепра и Волхова явились искусства византийские. Ярослав дал народу свиток законов гражданских, простых и мудрых, согласных с древними немецкими[4]. Одним словом, Россия не только была обширным, но, в сравнении с другими, и самым образованным государством.

К несчастью, она в сей бодрой юности не предохранила себя от государственной общей язвы тогдашнего времени, которую народы германские сообщили Европе: говорю о системе удельной. Счастие и характер Владимира[5], счастие и характер Ярослава могли только отсрочить падение державы, основанной единовластием на завоеваниях. Россия разделилась[6].

Вместе с причиною ее могущества, столь необходимого для благоденствия, исчезло и могущество, и благоденствие народа. Открылось жалкое междоусобие малодушных князей, которые, забыв славу, пользу отечества, резали друг друга и губили народ, чтобы прибавить какой-нибудь ничтожный городок к своему уделу. Греция, Венгрия, Польша отдохнули: зрелище нашего внутреннего бедствия служило им поручительством в их безопасности. Дотоле боялись россиян,— начали презирать их. Тщетно некоторые князья великодушные — Мономах[7], Василько[8] — говорили именем отечества на торжественных съездах; тщетно другие — Боголюбский[9], Всеволод III[10] — старались присвоить себе единовластие: покушения были слабы, недружны, и Россия в течение двух веков терзала собственные недра, пила слезы и кровь собственную.

Открылось и другое зло, не менее гибельное. Народ утратил почтение к князьям: владетель Торопца, или Гомеля, мог ли казаться ему столь важным смертным, как монарх всей России? Народ охладел в усердии к князьям, видя, что они, для ничтожных, личных выгод, жертвуют его кровью, и равнодушно смотрел на падение

их тронов, готовый всегда взять сторону счастливейшего, или изменить ему вместе с счастием; а князья, уже не имея ни доверенности, ни любви к народу, старались только умножать свою дружину воинскую: позволили ей теснить мирных жителей сельских и купцов; сами обирали их, чтоб иметь более денег в казне на всякий случай, и сею политикою, утратив нравственное достоинство государей, сделались подобны судьям-лихоимцам, или тиранам, а не законным властителям. И так, с ослаблением государственного могущества, ослабела и внутренняя связь подданства с властью.

В таких обстоятельствах удивительно ли, что варвары покорили наше отечество? Удивительнее, что оно еще столь долго могло умирать по частям и в сердце, сохраняя вид и действия жизни государственной, или независимость, изъясняемую одною слабостью наших соседов. На степях Донских и Волжских кочевали орды азиатские, способные только к разбоям. Польша сама издыхала в междоусобиях. Короли венгерские желали, но не могли никогда утвердить свое господство за горами Карпатскими, и Галиция, несколько раз отходив от России, снова к ней присоединялась. Орден меченосцев едва держался в Ливонии. Но когда воинственный народ, образованный победами хана монгольского, овладев Китаем, частию Сибири и Тибетом, устремился на Россию, она могла иметь только славу великодушной гибели. Смелые, но безрассудные князья наши с гордостью людей выходили в поле умирать героями. Батый, предводительствуя полумиллионом, топтал их трупы и в несколько месяцев сокрушил государство. В искусстве воинском предки наши не уступали никакому народу, ибо четыре века гремели оружием вне и внутри отечества; но, слабые разделением сил, несогласные даже и в общем бедствии, удовольствовались венцами мучеников, приняв оные в неравных битвах и в защите городов бренных.

Земля Русская, упоенная кровью, усыпанная пеплом, сделалась жилищем рабов ханских, а государи ее трепетали баскаков. Сего не довольно. В окружностях Двины и Немана, среди густых лесов, жил народ бедный, дикий и более 200 лет платил скудную дань россиянам. Утесняемый ими, также прусскими и ливонскими немцами, он выучился искусству воинскому и, предводимый некоторыми отважными витязями, в стройном ополчении выступил из лесов на театр мира; не только восстановил свою независимость, но, прияв образ народа гражданского, основав державу сильную, захватил и лучшую половину России, т.е. северная осталась данницею монголов, а южная вся отошла к Литве по самую Калугу и реку Угру. Владимир, Суздаль, Тверь назывались улусами ханскими; Киев, Чернигов, Мценск, Смоленск — городами литовскими. Первые хранили, по крайней мере, свои нравы, — вторые заимствовали и самые обычаи чуждые. Казалось, что Россия погибла на веки.

Сделалось чудо. Городок, едва известный до XIV века, от презрения к его маловажности именуемый селом Кучковым[11], возвысил главу и спас отечество. Да будет честь и слава Москве! В ее стенах родилась, созрела мысль восстановить единовластие в истерзанной России, и хитрый Иоанн Калита, заслужив имя Собирателя земли Русской, есть первоначальник ее славного воскресения, беспримерного в летописях мира. Надлежало, чтобы его преемники в течение века следовали одной системе с удивительным постоянством и твердостию, — системе наилучшей по всем обстоятельствам, и которая состояла в том, чтобы употребить самих ханов в орудие нашей свободы. Снискав особенную милость Узбека[12] и, вместе с нею, достоинство великого князя, Калита первый убедил хана не посылать собственных чиновников за данью в города наши, а принимать ее в Орде от бояр княжеских, ибо татарские

вельможи, окруженные воинами, ездили в Россию более для наглых грабительств, нежели для собрания ханской дани. Никто не смел встретиться с ними: как скоро они являлись, земледельцы бежали от плуга, купцы — от товаров, граждане — от домов своих. Все ожило, когда хищники перестали ужасать народ своим присутствием: села, города успокоились, торговля пробудилась, не только внутренняя, но и внешняя; народ и казна обогатились — дань ханская уже не тяготила их. Вторым важным замыслом Калиты было присоединение частных уделов к Великому Княжеству. Усыпляемые ласками властителей московских, ханы с детскою невинностью дарили им целые области и подчиняли других князей российских, до самого того времени, как сила, воспитанная хитростью, довершила мечом дело нашего освобождения.

Глубокомысленная политика князей московских не удовольствовалась собранием частей в целое: надлежало еще связать их твердо, и единовластие усилить самодержавием[13]. Славяне российские, признав князей варяжских своими государями, хотя отказались от правления общенароднюго, но удерживали многие его обыкновения. Во всех древних городах наших бывало так называемое в е ч е, или совет народный, при случаях важных; во всех городах избирались тысяцкие[14], или полководцы, не князем, а народом. Сии республиканские учреждения не мешали Олегу, Владимиру, Ярославу самодержавно повелевать Россиею: слава дел, великодушие и многочисленность дружин воинских, им преданных, обуздывали народную буйность; когда же государство разделилось на многие области независимые, тогда граждане, не уважая князей слабых, захотели пользоваться своим древним правом веча и верховного законодательства; иногда судили князей и торжественно изгоняли в Новгороде и других местах. Сей дух вольности господствовал в России до нашествия Батыева, и в самых ее бедствиях не мог вдруг исчезнуть, но ослабел приметно. Таким

образом, история наша представляет новое доказательство двух истин: 1) для твердого самодержавия необходимо государственное могущество; 2) рабство политическое не совместно с гражданскою вольностью. Князья пресмыкались в Орде, но, возвращаясь оттуда с милостивым ярлыком ханским, повелевали смелее, нежели в дни нашей государственной независимости. Народ, смиренный игом варваров, думал только о спасении жизни и собственности, мало заботясь о своих правах гражданских. Сим расположением умов, сими обстоятельствами воспользовались князья московские, и, мало-помалу, истребив все остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавие. Умолк вечевой колокол во всех городах России. Дмитрий Донской отнял власть у народа избирать тысяцких, и, вопреки своему редкому человеколюбию, первый уставил торжественную смертную казнь для государственных преступников, чтобы вселить ужас в дерзких мятежников. Наконец, что началось при Иоанне I, или Калите, то совершилось при Иоанне III: столица ханская на берегу Ахтубы[15], где столько лет потомки Рюриковы[16] преклоняли колена, исчезла навеки, сокрушенная местью россиян. Новгород, Псков, Рязань, Тверь присоединились к Москве, вместе с некоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древние юго-западные княжения потомков Владимировых еще оставались в руках Польши, за то Россия, новая, возрожденная, во время Иоанна IV приобрела три царства: Казанское, Астраханское и неизмеримое Сибирское, дотоле неизвестное Европе.

Сие великое творение князей московских было произведено не личным их геройством, ибо, кроме Донского, никто из них не славился оным, но единственно умной политической системой, согласно с обстоятельствами времени. Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием.

Во глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связью с монголами, — византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами. Сии последние черты, свойственные народу мужественному, вольному, еще были заметны в обыкновении судебных поединков, в утехах рыцарских и в духе местничества, основанного на родовом славолюбии. Заключение женского пола и строгое холопство оставались признаком древних азиатских обычаев. Двор царский уподоблялся византийскому. Иоанн III, зять одного из Палеологов, хотел как бы восстановить у нас Грецию соблюдением всех обрядов ее церковных и придворных: окружил себя Римскими Орлами и принимал иноземных послов в Золотой палате, которая напоминала Юстинианову. Такая смесь в нравах, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною, и россияне любили оную, как свою народную собственность.

Хотя двувековое иго ханское не благоприятствовало успехам гражданским искусств и разума в нашем отечестве, однако ж Москва и Новгород пользовались важными открытиями тогдашних времен: бумага, порох, книгопечатание сделались у нас известны весьма скоро по их изобретении. Библиотеки царская и митрополитская, наполненные рукописями греческими, могли быть предметом зависти для иных европейцев. В Италии возродилось зодчество: Москва в XV в[еке] уже имела знаменитых архитекторов, призванных из Рима, великолепные церкви и Грановитую палату; иконописцы, резчики, золотари обогащались в нашей столице. Законодательство молчало во время рабства, Иоанн III издал новые гражданские уставы[17]. Иоанн IV — полное

Уложение, коего главная отмена от Ярославовых законов состоит в введении торговой казни[18], неизвестной древним независимым россиянам. Сей же Иоанн IV устроил земское войско, какого у нас дотоле не бывало: многочисленное, всегда готовое и разделенное на полки областные.

Европа устремила глаза на Россию: государи, папы, республики вступили с нею в дружелюбные сношения, одни для выгод купечества, иные — в надежде обратить ее силы к обузданию ужасной Турецкой империи, Польши, Швеции. Даже из самой глубины Индостана, с берегов Гангеса[19] в XVI веке приезжали послы в Москву, и мысль сделать Россию путем индийской торговли была тогда общею. Политическая система государей московских заслуживала удивление своею мудростью: имея целью одно благоденствие народа, они воевали только по необходимости, всегда готовые к миру, уклоняясь от всякого участия в делах Европы, более приятного для суетности монархов, нежели полезного для государства, и, восстановив Россию в умеренном, так сказать, величии, не алкали завоеваний неверных, или опасных, желая сохранять, а не приобретать.

Внутри самодержавие укоренилось. Никто, кроме государя, не мог ни судить, ни жаловать: всякая власть была излиянием монаршей. Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшее в России титло уже было не княжеское, не боярское, но титло слуги царева[20]. Народ, избавленный князьями московскими от бедствий внутреннего междоусобия и внешнего ига, не жалел о своих древних вечах и сановниках, которые умеряли власть государеву; довольный действием, не спорил о правах. Одни бояре, столь некогда величавые в удельных господствах, роптали на строгость самодержавия; но бегство, или казнь их, свидетельствовали твердость оного. Наконец, царь сделался для всех россиян земным Богом.

Тщетно Иоанн IV, быв до 35-ти лет государем добрым и, по какому-то адскому вдохновению, возлюбив кровь, лил оную без вины и сек головы людей, славнейших добродетелями. Бояре и народ во глубине души своей, не дерзая что-либо замыслить против венценосца, только смиренно молили Господа, да смягчит ярость цареву — сию казнь за грехи их!

Кроме злодеев, ознаменованных в истории названием о п р и ч н и н ы, все люди, знаменитые богатством или саном, ежедневно готовились к смерти и не предпринимали ничего для спасения жизни своей! Время и расположение умов достопамятное! Нигде и никогда грозное самовластие не предлагало столь жестоких искушений для народной добродетели, для верности или повиновения; но сия добродетель даже не усумнилась в выборе между гибелью и сопротивлением.

Злодеяние, в тайне умышленное, не открытое историею[21], пресекло род Иоаннов: Годунов, татарин происхождением[22], Кромвель умом, воцарился со всеми правами монарха законного и с тою же системою единовластия неприкосновенного. Сей несчастный, сраженный тенью убитого им царевича[23], среди великих усилий человеческой мудрости и в сиянии добродетелей наружных, погиб, как жертва властолюбия неумеренного, беззаконного, в пример векам и народам. Годунов, тревожимый совестью, хотел заглушить ее священные укоризны действиями кротости и смягчал самодержавие в руках своих: кровь не лилась на лобном месте — ссылка, заточение, невольное пострижение в монахи были единственным наказанием бояр, виновных или подозреваемых в злых умыслах. Но Годунов не имел выгоды быть любимым, ни уважаемым, как прежние монархи наследственные. Бояре, некогда стояв с ним на одной ступени, ему завидовали; народ помнил его слугою придворным. Нравственное могущество царское ослабело в сем избранном венценосце.

Немногие из государей бывали столь усердно приветствуемы народом, как Лжедимитрий в день своего торжественного въезда в Москву: рассказы о его мнимом, чудесном спасении, память ужасных естественных бед Годунова времени, и надежда, что Небо, возвратив престол Владимирову потомству, возвратит благоденствие России, влекли сердца в стретение юному монарху, любимцу счастья.

Но Лжедимитрий был тайный католик[24], и нескромность его обнаружила сию тайну. Он имел некоторые достоинства и добродушие, но голову романтическую и на самом троне характер бродяги; любил иноземцев до пристрастия и, не зная истории своих мнимых предков, ведал малейшие обстоятельства жизни Генриха IV, короля французского, им обожаемого. Наши монархические учреждения XV и XVI века приняли иной образ: малочисленная Дума Боярская, служив прежде единственно Царским советом, обратилась в шумный сонм ста правителей, мирских и духовных, коим беспечный и ленивый Димитрий вверил внутренние дела государственные, оставляя для себя внешнюю политику; иногда являлся там и спорил с боярами к общему удивлению: ибо россияне дотоле не знали, как подданный мог торжественно противоречить монарху. Веселая обходительность его вообще преступила границы благоразумия и той величественной скромности, которая для самодержавцев гораздо нужнее, нежели для монахов картезианских[25]. Сего мало. Димитрий явно презирал русские обычаи и веру: пировал, когда народ постился; забавлял свою невесту пляскою скоморохов в монастыре Вознесенском; хотел угощать бояр яствами, гнусными для их суеверия; окружил себя не только иноземною стражею, но шайкою иезуитов, говорил о соединении церквей и хвалил латинскую. Россияне перестали уважать его, наконец, возненавидели и, согласясь, что истинный сын Иоаннов

не мог бы попирать ногами святыню своих предков[26], возложили руку на самозванца.

Сие происшествие имело ужасные следствия для России; могло бы иметь еще и гибельнейшие. Самовольные управы народа бывают для гражданских обществ вреднее личных несправедливостей, или заблуждений государя. Мудрость целых веков нужна для утверждения власти: один час народного исступления разрушает основу ее, которая есть уважение нравственное к сану властителей. Москвитяне истерзали того, кому недавно присягали в верности: горе его преемнику и народу!

Отрасль древних князей суздальских и племени Мономахова, Василий Шуйский, угодник царя Бориса, осужденный на казнь и помилованный Лжедимитрием[27], свергнув неосторожного самозванца, в награду за то приял окровавленный его скипетр от Думы Боярской и торжественно изменил самодержавию, присягнув без ее согласия не казнить никого, не отнимать имений и не объявлять войны[28]. Еще имея в свежей памяти ужасные исступления Иоанновы, сыновья отцов, невинно убиенных сим царем лютым, предпочли свою безопасность государственной и легкомысленно стеснили дотоле неограниченную власть монаршую, коей Россия была обязана спасением и величием. Уступчивость Шуйского и самолюбие бояр кажутся равным преступлением в глазах потомства, ибо первый также думал более о себе, нежели о государстве, и пленяясь мыслию быть царем, хотя и с ограниченными правами, дерзнул на явную для царства опасность.

Случилось, чему необходимо надлежало случиться: бояре видели в полумонархе дело рук своих и хотели, так сказать, продолжать оное, более и более стесняя власть его. Поздно очнулся Шуйский и тщетно хотел порывами великодушия утвердить колеблемость трона. Воскресли древние смуты боярские, и народ, волнуемый на площади наемниками некоторых коварных вельмож, толпами стремился к дворцу кремлевскому предписывать

законы государю. Шуйский изъявлял твердость:«Возьмите венец Мономахов, возложенный вами на главу мою, или повинуйтесь мне!», — говорил он москвитянам. Народ смирялся и вновь мятежничал в самое то время, когда самозванцы, прельщенные успехом первого, один за другим, на Москву восставали. Шуйский пал, сверженный не сими бродягами, а вельможами недостойными[29], и пал с величием, воссев на трон с малодушием. В мантии инока, преданный злодеями в руки чужеземцам, он жалел более о России, нежели о короне, с истинною царскою гордостью ответствовал на коварные требования Сигизмундовы, и вне отечества, заключенный в темницу, умер государственным мученником[30].

Недолго многоглавая гидра аристократии владычествовала в России[31]. Никто из бояр не имел решительного перевеса; спорили и мешали друг другу в действиях власти. Увидели необходимость иметь царя и, боясь избрать единоземца, чтобы род его не занял всех степеней трона, предложили венец сыну нашего врага, Сигизмунда[32], который, пользуясь мятежами России, силился овладеть ее западными странами. Но, вместе с царством, предложили ему условия: хотели обеспечить веру и власть боярскую[33]. Еще договор не совершился, когда поляки, благоприятствуемые внутренними изменниками, вступили в Москву и прежде времени начали тиранствовать именем Владислава. Шведы взяли Новгород. Самозванцы, козаки свирепствовали в других областях наших. Правительство рушилось, государство погибало.

История назвала Минина и Пожарского «спасителями Отечества»: отдадим справедливость их усердию, не менее и гражданам, которые в сие решительное время действовали с удивительным единодушием. Вера, любовь к своим обычаям и ненависть к чужеземной власти произвели общее славное восстание народа под знаменами некоторых верных отечеству бояр. Москва освободилась.

Но Россия не имела царя и еще бедствовала от хищных иноплеменников; из всех городов съехались в Москву избранные знаменитейшие люди и в храме Успения, вместе с пастырями церкви и боярами, решили судьбу отечества. Никогда народ не действовал торжественнее и свободнее, никогда не имел побуждений святейших... Все хотели одного — целости, блага России. Не блистало вокруг оружие; не было ни угроз, ни подкупа, ни противоречий, ни сомнений. Избрали юношу, почти отрока, удаленного от света[34]; почти силою извлекли его из объятий устрашенной матери-инокини[35] и возвели на престол, орошенный кровью Лжедимитрия и слезами Шуйского. Сей прекрасный, невинный юноша казался агнцем и жертвою, трепетал и плакал. Не имея подле себя ни единого сильного родственника, чуждый боярам верховным, гордым, властолюбивым, он видел в них не подданных, а будущих своих тиранов, — и, к счастию России, ошибся. Бедствия мятежной аристократии просветили граждан и самих аристократов; те и другие единогласно, единодушно наименовали Михаила самодержцем, монархом неограниченным; те и другие, воспламененные любовью к отечеству, взывали только: Б о г и Г о с у д а р ь!.. Написали хартию и положили оную на престол. Сия грамота, внушенная мудростью опытов, утвержденная волею и бояр, и народа, есть священнейшая из всех государственных хартий[36]. Князья московские учредили самодержавие — отечество даровало оное Романовым.

Самое личное избрание Михаила доказывало искреннее намерение утвердить единовластие. Древние княжеские роды, без сомнения, имели гораздо более права на корону, нежели сын племянника Иоанновой супруги[37], коего неизвестные предки выехали из Пруссии, но царь, избранный из сих потомков Мономаховых, или Олеговых, имея множество знатных родственников, легко мог бы дать им власть аристократическую и тем ослабить самодер-

жавие. Предпочли юношу, почти безродного; но сей юноша, свойственник царский, имел отца, мудрого, крепкого духом, непреклонного в советах, который долженствовал служить ему пестуном на троне и внушать правила твердой власти. Так строгий характер Филарета, не смягченный принужденною монашескою жизнью, более родства его с Федором Иоанновичем способствовал к избранию Михаила.

Исполнилось намерение сих незабвенных мужей, которые в чистой руке держали тогда урну судьбы нашей, обуздывая собственные и чуждые страсти. Дуга небесного мира воссияла над троном Российским. Отечество под сенью самодержавия успокоилось, извергнув чужеземных хищников из недр своих, возвеличилось приобретениями и вновь образовалось в гражданском порядке, творя, обновляя и делая только необходимое, согласное с понятиями народными и ближайшее к существующему. Дума Боярская осталась на древнем основании, т.е. советом царей во всех делах важных, политических, гражданских, казенных. Прежде монарх рядил государство через своих наместников, или воевод; недовольные ими прибегали к нему: он судил дело с боярами.

Сия *восточная простота* уже не ответствовала государственному возрасту России, и множество дел требовало более посредников между царем и народом. Учредились в Москве приказы, которые ведали дела всех городов и судили наместников. Но еще суд не имел устава полного, ибо Иоаннов оставлял много на совесть, или произвол судящего. Уверенный в важности такого дела, царь Алексей Михайлович назначил для оного мужей думных и повелел им, вместе с выборными всех городов, всех состояний, исправить Судебник, дополнить его законами греческими, нам давно известными, новейшими указами царей и необходимыми прибавлениями на случаи, которые уже встречаются в судах, но еще не решены законом ясным. Россия получила

Уложение, скрепленное патриархом, всеми значительными духовными, мирскими чиновниками и выборными городскими[38]. Оно, после хартии Михаилова избрания, есть доныне важнейший Государственный завет нашего Отечества.

Вообще царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора способствовало сближению россиян с Европою, как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с ее дворами, от принятия в нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве. Еще предки наши усердно следовали своим обычаям, но пример начинал действовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верх над старым навыком в воинских Уставах, в системе дипломатической, в образе воспитания или учения, в самом светском обхождении: ибо нет сомнения, что Европа от XIII до XIV века далеко опередила нас в гражданском просвещении. Сие изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия. Мы заимствовали, но как бы нехотя, применяя все к нашему и новое соединяя со старым.

Явился Петр. В его детские лета самовольство вельмож, наглость стрельцов и властолюбие Софьи напоминали России несчастные времена смут боярских. Но великий муж созрел уже в юноше и мощною рукою схватил кормило государства. Он сквозь бурю и волны устремился к своей цели: достиг — и все переменилось!

Сею целью было не только новое величие России, но и совершенное присвоение обычаев европейских... Потомство воздало усердную хвалу сему бессмертному государю и личным его достоинствам и славным подвигам. Он имел великодушие, проницание, волю непоколебимую, деятельность, неутомимость редкую: исправил, умножил войско, одержал блестящую победу над врагом искусным и мужественным; завоевал Ливонию, сотворил флот, основал гавани, издал многие законы мудрые,

привел в лучшее состояние торговлю, рудокопни, завел мануфактуры, училища, академию, наконец поставил Россию на знаменитую степень в политической системе Европы. Говоря о превосходных его дарованиях, забудем ли почти важнейшее для самодержцев дарование: употреблять людей по их способностям? Полководцы, министры, законодатели не родятся в такое, или такое царствование, но единственно избираются... Чтобы избрать, надобно угадать; угадывают же людей только великие люди — и слуги Петровы удивительным образом помогли ему на ратном поле, в Сенате, в Кабинете. Но мы, россияне, имея перед глазами свою историю, подтвердим ли мнение несведущих иноземцев и скажем ли, что Петр есть творец нашего величия государственного?.. Забудем ли князей московских: Иоанна I[39], Иоанна III, которые, можно сказать, из ничего воздвигли державу сильную, и, — что не менее важно, — учредили твердое в ней правление единовластное?.. Петр нашел средства делать великое — князья московские приготовляли оное. И, славя славное в сем монархе, оставим ли без замечания вредную сторону его блестящего царствования?

Умолчим о пороках личных; но сия страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух и вера спасли Россию во времена самозванцев; он есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству. Искореняя древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Любовь к Отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного. Прос-

вещение достохвально, но в чем состоит оно? В знании нужного для благоденствия: художества, искусства, науки не имеют иной цены. Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им Уставы есть насилие, беззаконное и для монарха самодержавного. Народ в первоначальном завете с венценосцами сказал им: «Блюдите нашу безопасность вне и внутри, наказывайте злодеев, жертвуйте частью для спасения целого», — но не сказал: «противуборствуйте нашим невинным склонностям и вкусам в домашней жизни». В сем отношении государь, по справедливости, может действовать только примером, а не указом.

Жизнь человеческая кратка, а для утверждения новых обычаев требуется долговременность. Петр ограничил свое преобразование дворянством. Дотоле, от сохи до престола, россияне сходствовали между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях, — со времен Петровых высшие степени отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний[40].

В течение веков народ обвык чтить бояр, как мужей, ознаменованных величием, — поклонялся им с истинным уничижением, когда они со своими благородными дружинами, с азиатскою пышностью, при звуке бубнов являлись на стогнах, шествуя в храм Божий или на совет к государю. Петр уничтожил достоинство бояр: ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Вместо древней славной Думы явился Сенат, вместо приказов — коллегии, вместо дьяков — секретари и проч. Та же бессмысленная для россиян перемена в воинском чиноначалии: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали из

нашей рати воевод, сотников, пятидесятников и проч. Честью и достоинством россиян сделалось подражание.

Семейственные нравы не укрылись от влияния царской деятельности. Вельможи стали жить открытым домом; их супруги и дочери вышли из непроницаемых теремов своих; балы, ужины соединили один пол с другим в шумных залах; россиянки перестали краснеть от нескромного взора мужчин, и европейская вольность заступила место азиатского принуждения... Чем более мы успевали в людскости, в обходительности, тем более слабели связи родственные: имея множество приятелей, чувствуем менее нужды в друзьях и жертвуем свету союзом единокровия.

Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским, или царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, т.е. иногда стыдимся, чего они не стыдились, и что, действительно, порочно; однако ж должно согласиться, что мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские. Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а С в я т а я Р у с ь — первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к отечеству и нравственной силе оного! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев н е в е р н ы м и, теперь называем братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию — н е в е р н ы м или б р а т ь я м? Т.е. кому бы она, по вероятности, долженствовала более

противиться? При царе Михаиле или Феодоре вельможа российский, обязанный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр.

Он велик без сомнения; но еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум россиян без вреда для их гражданских добродетелей. К несчастью, сей государь, худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узнал и полюбил женевца Лефорта[41], который от бедности заехал в Москву и, весьма естественно, находя русские обычаи для него странными, говорил ему об них с презрением, а все европейское возвышал до небес. Вольные общества Немецкой слободы, приятные для необузданной молодости, довершили Лефортово дело, и пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию — Голландиею.

Еще народные склонности, привычки, мысли имели столь великую силу, что Петр, любя в воображении некоторую свободу ума человеческого, долженствовал прибегнуть ко всем ужасам самовластия для обуздания своих, впрочем, столь верных подданых. Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного[42]. Многие гибли за одну честь русских кафтанов и бороды: ибо не хотели оставить их и дерзали порицать монарха. Сим бедным людям казалось, что он, вместе с древними привычками, отнимает у них самое Отечество.

В необыкновенных усилиях Петровых видим всю твердость его характера и власти самодержавной. Ничто не казалось ему страшным. Церковь российская искони имела главу сперва в митрополите, наконец в патриархе.

Петр объявил себя главою церкви, уничтожив патриаршество, как опасное для самодержавия неограниченного. Но заметим, что наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти, ни княжеской, ни царской: служило ей полезным оружием в делах государственных и совестью в ее случайных уклонениях от добродетели. Первосвятители имели у нас одно право — вещать истину государям, не действовать, не мятежничать, — право благословенное не только для народа, но и для монарха, коего счастье состоит в справедливости. Со времен Петровых упало духовенство в России. Первосвятители наши уже только были угодниками царей и на кафедрах языком библейским произносили им слова похвальные. Для похвал мы имеем стихотворцев и придворных — главная обязанность духовенства есть учить народ добродетели, а чтобы сии наставления были тем действительнее, надобно уважать оное. Если государь председательствует там, где заседают главные сановники церкви[43], если он судит их или награждает мирскими почестями и выгодами, то церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный; усердие к ней слабеет, а с ним и вера, а с ослаблением веры государь лишается способа владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных, где нужно все забыть, все оставить для отечества, и где Пастырь душ может обещать в награду один венец мученический. Власть духовная должна иметь особенный круг действия вне гражданской власти, но действовать в тесном союзе с нею. Говорю о законе, о праве. Умный монарх в делах государственной пользы всегда найдет способ согласить волю митрополита, или патриарха, с волею верховною; но лучше, если сие согласие имеет вид свободы и внутреннего убеждения, а не всеподданической покорности. Явная, совершенная зависимость духовной власти от гражданской предполагает мнение, что первая бесполезна, или, по крайней мере, не есть необходима для государственной твердости, —

пример древней России и нынешней Испании доказывает совсем иное.

Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных природою на бесплодие и недостаток. Еще не имея ни Риги, ни Ревеля, он мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров; но мысль утвердить там пребывание государей была, есть и будет вредною. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действо сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах. Иноземный путешественник, въезжая в государство, ищет столицы, обыкновенно, среди мест плодоноснейших, благоприятнейших для жизни и здравия; в России он видит прекрасные равнины, обогащенные всеми дарами природы, осененные липовыми, дубовыми рощами, пресекаемые реками судоходными, коих берега живописны для зрения, и где в климате умеренном благорастворенный воздух способствует долголетию, — видит и, с сожалением оставляя сии прекрасные страны за собою, въезжает в пески, в болота, в песчанные леса сосновые, где царствует бедность, уныние, болезни. Там обитают государи российские, с величайшим усилием домогаясь, чтобы их царедворцы и стража не умирали голодом и чтобы ежегодная убыль в жителях наполнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти! Человек не одолеет натуры!

Но великий муж самыми ошибками доказывает свое величие: их трудно или невозможно изгладить — как хорошее, так и худое делает он навеки. Сильною рукою дано новое движение России; мы уже не возвратимся к старине!.. Второй Петр Великий мог бы только в 20 или 30 лет утвердить новый порядок вещей гораздо основательнее, нежели все наследники Первого до самой Екатерины II. Несмотря на его чудесную деятельность, он

многое оставил исполнить преемникам, но Меньшиков[44] думал единственно о пользах своего личного властолюбия; так и Долгорукие[45]. Меньшиков замышлял открыть сыну своему путь к трону[46]; Долгорукие и Голицыны[47] хотели видеть на престоле слабую тень монарха и господствовать именем Верховного Совета[48]. Замыслы дерзкие и малодушные! Пигмеи спорили о наследии великана. Аристократия, олигархия губили отечество... И, в то время, когда оно изменило нравы, утвержденные веками, потрясенные внутри новыми, важными переменами, которые, удалив в обычаях дворянство от народа, ослабили власть духовную, могла ли Россия обойтись без государя? Самодержавие сделалось необходимее прежнего для охранения порядка — и дочь Иоаннова, быв несколько дней в зависимости осьми аристократов, восприняла от народа, дворян и духовенства власть неограниченную[49]. Сия государыня хотела правительствовать согласно с мыслями Петра Великого и спешила исправить многие упущения, сделанные с его времени. Преобразованная Россия казалась тогда величественным недостроенным зданием, уже ознаменованным некоторыми приметами близкого разрушения: часть судебная, воинская, внешняя политика находились в упадке. Остерман[50] и Миних[51], одушевленные честолюбием заслужить имя великих мужей в их втором Отечестве, действовали неутомимо и с успехом блестящим: первый возвратил России ее знаменитость в государственной системе европейской — цель усилий Петровых; Миних исправил, оживил воинские учреждения и давал нам победы. К совершенной славе Аннина царствования недоставало третьего мудрого действователя для законодательства и внутреннего гражданского образования россиян. Но злосчастная привязанность Анны к любимцу бездушному, низкому[52] омрачила и жизнь, и память ее в истории. Воскресла Тайная канцелярия Преображенская с пытками; в ее вертепах и на площадях градских лились реки крови. И кого терзали? Врагов ли

государыни? Никто из них и мысленно не хотел ей зла: самые Долгорукие виновны были только перед Отечеством[53], которое примирилось с ними их несчастием. Бирон, не достойный власти, думал утвердить ее в руках своих ужасами: самое легкое подозрение, двусмысленное слово, даже молчание казалось ему иногда достаточною виною для казни или ссылки. Он, без сомнения, имел неприятелей: добрые россияне могли ли видеть равнодушно курляндского шляхтича почти на троне? Но сии Бироновы неприятели были истинными друзьями престола и Анны. Они гибли; враги наушника Бирона гибли; а статный конь, ему подаренный, давал право ждать милостей царских.

Вследствие двух заговоров злобный Бирон и добродушная правительница утратили власть и свободу[54]. Лекарь француз[55] и несколько пьяных гренадеров возвели дочь Петрову на престол величайшей империи в мире с восклицаниями: «г и б е л ь и н о з е м ц а м! ч е с т ь р о с с и я н а м!» Первые времена сего царствования ознаменовались нахальством славной лейб-компании, возложением голубой ленты на малороссийского певчего[56] и бедствием наших государственных благодетелей — Остермана и Миниха, которые никогда не были так велики, как стоя под эшафотом и желая счастия России и Елизавете. Вина их состояла в усердии к императрице Анне и во мнении, что Елизавета, праздная, сластолюбивая, не могла хорошо управлять государством. Несмотря на то, россияне хвалили ее царствование: она изъявляла к ним более доверенности, нежели к немцам; восстановила власть Сената, отменила смертную казнь, имела любовников добродушных, страсть к весельям и нежным стихам. Вопреки своему человеколюбию, Елизавета вмешалась в войну кровопролитную и для нас бесполезную[57]. Первым государственным человеком сего времени был канцлер Бестужев[58], умный и деятельный, но корыстолюбивый и пристрастный. Усып-

ленная негою, монархиня давала ему волю торговать политикою и силами государства; наконец, свергнула его и сделала новую ошибку, торжественно объявив народу, что сей министр, душа почти всего ее царствования, есть гнуснейший из смертных! Счастье, благоприятствуя мягкосердной Елизавете в ее правление, спасло Россию от тех чрезвычайных зол, коих не может отвратить никакая мудрость человеческая, но счастие не могло спасти государства от алчного корыстолюбия П.И.Шувалова[59]. Ужасные монополии сего времени долго жили в памяти народа, утесняемого для выгоды частных людей и ко вреду самой казны. Многие из заведений Петра Великого пришли в упадок от небрежения, и вообще царствование Елизаветы не прославилось никакими блестящими деяниями ума государственного. Несколько побед, одержанных более стойкостью воинов, нежели дарованием военачальников, Московский университет и оды Ломоносова остаются красивейшими памятниками сего времени. Как при Анне, так и при Елизавете Россия текла путем, предписанным ей рукою Петра, более и более удаляясь от своих древних нравов и сообразуясь с европейскими. Замечались успехи светского вкуса. Уже двор наш блистал великолепием и, несколько лет говорив по-немецки, начал употреблять язык французский. В одежде, в экипажах, в услуге вельможи наши мерялись с Парижем, Лондоном, Веною. Но грозы самодержавия еще пугали воображение людей: осматривались, произнося имя самой кроткой Елизаветы или министра сильного; еще пытки и Тайная канцелярия существовали.

Новый заговор — и несчастный Петр III в могиле со своими жалкими пороками...[60] Екатерина II была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России. Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие, не утратив силы своей. Она ласкала так называемых философов XVIII века и пленялась харак-

тером древних республиканцев, но хотела повелевать, как земной Бог, — и повелевала. Петр, насильствуя обычаи народные, имел нужду в средствах жестоких — Екатерина могла обойтись без оных, к удовольствию своего нежного сердца: ибо не требовала от россиян ничего противного их совести и гражданским навыкам, стараясь единственно возвеличить данное ей Небом Отечество или славу свою — победами, законодательством, просвещением. Ее душа, гордая, благородная, боялась унизиться робким подозрением, — и страхи Тайной канцелярии исчезли[61], с ними вместе исчез у нас и дух рабства, по крайней мере, в высших гражданских состояниях. Мы приучились судить, хвалить в делах государя только похвальное, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась с собою, но побеждала желание мести — добродетель превосходная в монархе! Уверенная в своем величии, твердая, непреклонная в намерениях, объявленных ею, будучи единственною душою всех государственных движений в России, не выпуская власти из собственных рук — без казни, без пыток влияв в сердца министров, полководцев, всех государственных чиновников живейший страх сделаться ей неугодным и пламенное усердие заслуживать ее милость, Екатерина могла презирать легкомысленное злословие, а где искренность говорила правду, там монархиня думала: «Я властна требовать молчания от россиян — современников, но что скажет потомство? И мысль, страхом заключенная в сердце, менее ли слова будет для меня оскорбительна?» Сей образ мыслей, доказанный делами 34-летнего владычества, отличает ее царствование от всех прежних в новой российской истории, т.е. Екатерина очистила самодержавие от примесов тиранства. Следствием были спокойствие сердец, успехи приятностей светских, знаний, разума.

Возвысив нравственную цену человека в своей державе, она пересмотрела все внутренние части нашего здания

государственного и не оставила ни единой без поправления: Уставы Сената, губерний, судебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались ею. Внешняя политика сего царствования достойна особенной хвалы: Россия с честью и славою занимала одно из первых мест в государственной европейской системе. Воинствуя, мы разили. Петр удивил Европу своими победами — Екатерина приучила ее к нашим победам. Россияне уже думали, что ничто в мире не может одолеть их, — заблуждение славное для сей великой монархини! Она была женщина, но умела избирать вождей так же, как министров или правителей государственных. Румянцев[62], Суворов стали на ряду с знаменитейшими полководцами в мире. Князь Вяземский[63] заслужил имя достойного министра благоразумною государственною экономиею, хранением порядка и целости. Упрекнем ли Екатерину излишним воинским славолюбием? Ее победы утвердили внешнюю безопасность государства. Пусть иноземцы осуждают раздел Польши: мы взяли свое. Правилом монархини было не мешаться в войны, чуждые и бесполезные для России, но питать дух ратный в империи, рожденной победами.

Слабый Петр III, желая угодить дворянству, дал ему свободу служить или не служить[64]. Умная Екатерина, не отменив сего закона, отвратила его вредные для государства следствия: любовь к Святой Руси, охлажденную в нас переменами Великого Петра, монархиня хотела заменить гражданским честолюбием; для того соединила с чинами новые прелести или выгоды, вымышляя знаки отличий[65], и старалась поддерживать их цену достоинством людей, украшаемых оными. Крест Св. Георгия не рождал, однако ж усиливал храбрость. Многие служили, чтобы не лишиться места и голоса в Дворянских собраниях; многие, несмотря на успехи роскоши, любили чины и ленты гораздо более корысти.

Сим утвердилась нужная зависимость дворянства от трона.

Но согласимся, что блестящее царствование Екатерины представляет взору наблюдателя и некоторые пятна. Нравы более развратились в палатах и хижинах — там от примеров Двора любострастного, здесь от выгодного для казны умножения питейных домов. Пример Анны и Елизаветы извиняет ли Екатерину? Богатства государственные принадлежат ли тому, кто имеет единственно лицо красивое? Слабость тайная есть только слабость; явная — порок, ибо соблазняет других. Самое достоинство государя не терпит, когда он нарушает устав благонравия: как люди ни развратны, но внутренно не могут уважать развратных. Требуется ли доказательств, что искреннее почтение к добродетелям монарха утверждает власть его? Горестно, но должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходные качества души, невольно воспоминаем ее слабости и краснеем за человечество. Заметим еще, что правосудие не цвело в сие время; вельможа, чувствуя несправедливость свою в тяжбе с дворянином, переносил дело в Кабинет; там засыпало оно и не пробуждалось. В самых государственных учреждениях Екатерины видим более блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянию вещей, но красивейшее по формам. Таково было новое учреждение губерний, изящное на бумаге, но худо примененное к обстоятельствам России[66]. Солон говорил: «Мои законы несовершенные, но лучшие для афинян». Екатерина хотела умозрительного совершенства в законах, не думая о легчайшем, полезнейшем действии оных: дала нам суды, не образовав судей; дала правила без средств исполнения. Многие вредные следствия Петровой системы также яснее открылись при сей государыне: чужеземцы овладели у нас воспитанием, двор забыл язык русский; от излишних успехов европейской роскоши дворянство одолжало; дела бесчестные, внушаемые корыстолюбием

для удовлетворения прихотям, стали обыкновеннее; сыновья бояр наших рассыпались по чужим землям тратить деньги и время для приобретения французской или английской наружности. У нас были академии, высшие училища, народные школы, умные министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и великая монархиня, — не было хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни. Любимец вельможи, рожденный бедным, не стыдился жить пышно; вельможа не стыдился быть развратным. Торговали правдою и чинами. Екатерина — Великий Муж в главных собраниях государственных — являлась женщиною в подробностях монаршей деятельности: дремала на розах, была обманываема или себя обманывала; не видала, или не хотела видеть многих злоупотреблений, считая их, может быть, неизбежными и довольствуясь общим, успешным, славным течением ее царствования.

По крайней мере, сравнивая все известные нам времена России, едва ли не всякий из нас скажет, что время Екатерины было счастливейшее для гражданина российского; едва ли не всякий из нас пожелал жить тогда, а не в иное время.

Следствия кончины ее заградили уста строгим судьям сей великой монархини: ибо особенно в последние годы ее жизни, действительно, слабейшие в правилах и исполнении, мы более осуждали, нежели хвалили Екатерину, от привычки к добру уже не чувствуя всей цены оного и тем сильнее чувствуя противное: доброе казалось нам естественным, необходимым следствием порядка вещей, а не личной Екатерининой мудрости, худое же — ее собственною виною.

Павел восшел на престол в то благоприятное для самодержавия время, когда ужасы Французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства... Но что сделали якобинцы в отно-

шении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оного. По жалкому заблуждению ума и вследствие многих личных претерпенных им неудовольствий[67], он хотел быть Иоанном IV; но россияне уже имели Екатерину II, знали, что государь не менее подданных должен исполнять свои святые обязанности, коих нарушение уничтожает древний завет власти с повиновением и низвергает народ со степени гражданственности в хаос частного естественного права. Сын Екатерины мог быть строгим и заслужить благодарность отечества; к неизъяснимому изумлению россиян, он начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким Уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг; отнял стыд у казни, у награды — прелесть; унизил чины и ленты расточительностью в оных; легкомысленно истреблял долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери; умертвил в полках наших благородный дух воинский, воспитанный Екатериною, и заменил его духом капральства[68]. Героев, приученных к победам, учил маршировать; отвратил дворян от воинской службы; презирая душу, уважал шляпы и воротники[69], имея, как человек, природную склонность к благотворению, питался желчию зла; ежедневно вымышлял способы устрашать людей — и сам всех более страшился; думал соорудить себе неприступный дворец — и соорудил гробницу!..[70] Заметим черту, любопытную для наблюдателя: в сие царствование ужаса, по мнению иноземцев, россияне боялись даже и мыслить — нет! говорили, и смело!.. Умолкали единственно от скуки частого повторения, верили друг другу — и не обманывались! Какой-то дух искреннего братства господствовал в столицах: общее бедствие сближало сердца, и великодушное остервенение против злоупотреблений власти заглушало голос личной осторожности. Вот

действия Екатеринина человеколюбивого царствования: оно не могло быть истреблено в 4 года Павлова, и доказывало, что мы были достойны иметь правительство мудрое, законное, основанное на справедливости.

Россияне смотрели на сего монарха, как на грозный метеор, считая минуты и с нетерпением ожидая последней... Она пришла, и весть о том в целом государстве была вестию искупления: в домах, на улицах люди плакали от радости, обнимая друг друга, как в день светлого Воскресения. Кто был несчастливее Павла?.. Слезы горести лились только в недрах его августейшего семейства; тужили еще некоторые, им облагодетельствованные, но какие люди!.. Их сожаление не менее всеобщей радости долженствовало оскорбить душу Павлову, если она, по разлучении с телом, озаренная, наконец, светом истины, могла воззреть на землю и на Россию! К чести благоразумнейших россиян не умолчим об их суждении. Сведав дело, они жалели, что зло вредного царствования пресечено способом вредным. Заговоры суть бедствия, колеблют основу государств и служат опасным примером для будущности. Если некоторые вельможи, генералы, телохранители присвоят себе власть тайно губить монархов, или сменять их, что будет самодержавие? Игралищем олигархии, и должно скоро обратиться в безначалие, которое ужаснее самого злейшего властителя, подвергая опасности всех граждан, а тиран казнит только некоторых. Мудрость веков и благо народное утвердили сие правило для монархий, что закон должен располагать троном, а Бог, один Бог, — жизнию царей!.. Кто верит Провидению, да видит в злом самодержце бич гнева небесного! Снесем его, как бурю, землетрясение, язву,— феномены страшные, но редкие: ибо мы в течение 9 веков имели только двух тиранов[71]: ибо тиранство предполагает необыкновенное ослепление ума в государе, коего действительно счастие неразлучно с народным, с правосудием и с любовью к добру. Заговоры

да устрашают народ для спокойствия государей! Да устрашают и государей для спокойствия народов!.. Две причины способствуют заговорам: общая ненависть или общее неуважение к властителю. Бирон и Павел были жертвою ненависти, правительница Анна и Петр III — жертвою неуважения. Миних, Лесток и другие не дерзнули бы на дело, противное совести, чести и всем Уставам государственным, если бы сверженные ими властители пользовались уважением и любовью россиян.

Не сомневаясь в добродетели Александра, судили единственно заговорщиков, подвигнутых местию и страхом личных опасностей; винили особенно тех, которые сами были орудием Павловых жестокостей и предметом его благодеяний. Сии люди уже, большею частью, скрылись от глаз наших в мраке могилы или неизвестности... Едва ли кто-нибудь из них имел утешение Брута или Кассия пред смертью или в уединении. Россияне одобрили юного монарха, который не хотел быть окружен ими и с величайшею надеждою устремили взор на внука Екатерины, давшего обет властвовать по ее сердцу!

Доселе говорил я о царствованиях минувших — буду говорить о настоящем, с моею совестью и с государем, по лучшему своему уразумению. Какое имею право? Любовь к Отечеству и монарху, некоторые, может быть, данные мне Богом способности, некоторые знания, приобретенные мною в летописях мира и в беседах с мужами великими, т.е. в их творениях. Чего хочу? С добрым намерением — испытать великодушие Александра и сказать, что мне кажется справедливым и что некогда скажет история.

Два мнения были тогда господствующими в умах: одни хотели, чтобы Александр в вечной славе своей взял меры для обуздания неограниченного самовластия, столь бедственного при его родителе; другие, сомневаясь в надежном успехе такового предприятия, хотели

единственно, чтобы он восстановил разрушенную систему Екатеринина царствования, столь счастливую и мудрую в сравнении с системою Павла. В самом деле, можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти? Умы легкие не затрудняются ответом и говорят: «Можно, надобно только поставить закон еще выше государя». Но кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совету ли? Кто будут члены их? Выбираемые государем или государством? В первом случае они — угодники царя, во втором захотят спорить с ним о власти, — вижу аристократию, а не монархию. Далее: что сделают сенаторы, когда монарх нарушит Устав? Представят о том его величеству? А если он десять раз посмеется над ними, объявят ли его преступником? Возмутят ли народ?.. Всякое доброе русское сердце содрогается от сей ужасной мысли. Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто. Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою Государственного Устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей махине производить единство действия? Если бы Александр, вдохновенный великодушною ненавистью к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе иных законов, кроме Божиих и совести, то истинный добродетельный гражданин российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: «Государь! Ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями, Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание твоей власти, иной не имеешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!..» Но вообразим,

что Александр предписал бы монаршей власти какой-нибудь Устав, основанный на правилах общей пользы, и скрепил бы оный святостью клятвы... Сия клятва без иных способов, которые все или невозможны, или опасны для России, будет ли уздою для преемников Александровых? Нет, оставим мудрствования ученические и скажем, что наш государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! да приучит подданных ко благу!.. Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народные, которые лучше всех бренных форм удержат будущих государей в пределах законной власти... Чем? — страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования. Тиран может иногда безопасно господствовать после тирана, но после государя мудрого — никогда! «Сладкое отвращает нас от горького» — сказали послы Владимировы, изведав веры европейские.

Все россияне были согласны в добром мнении о качествах юного монарха: он царствует 10 лет, и никто не переменит о том своих мыслей; скажу еще более: все согласны, что едва ли кто-нибудь из государей превосходил Александра в любви, в ревности к общему благу; едва ли кто-нибудь столь мало ослеплялся блеском венца и столь умел быть человеком на троне, как он!.. Но здесь имею нужду в твердости духа, чтобы сказать истину. Россия наполнена недовольными: жалуются в палатах и в хижинах, не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры. Удивительный государственный феномен! Обыкновенно бывает, что преемник монарха жестокого легко снискивает всеобщее одобрение, смягчая правила власти: успокоенные кротостью Александра, безвинно не страшась ни Тайной канцелярии, ни Сибири, и свободно наслаждаясь всеми позволенными в гражданских обществах удовольствиями, каким образом изъясним сие горестное рас-

положение умов? Несчастными обстоятельствами Европы и важными, как думаю, ошибками правительства, ибо, к сожалению, можно с добрым намерением ошибаться в средствах добра. Увидим...

Начнем со внешней политики, которая имела столь важное действие на внутренность государства. Ужасная французская революция была погребена, но оставила сына, сходного с нею в главных чертах лица. Так называемая республика обратилась в монархию, движимую гением властолюбия и побед. Умная Англия, испытав невыгоду мира, старалась снова поднять всю Европу на Францию и делала свое дело. Вена тосковала о Нидерландах и Ломбардии: война представляла ей великие опасности и великие надежды. Берлин хитрил, довольствуясь учтивостями: мир был для него законом благоразумия. Россия ничего не утратила и могла ничего не бояться, т.е. находилась в самом счастливейшем положении. Австрия, все еще сильная, как величественная твердыня, стояла между ею и Франциею, а Пруссия служила нам уздою для Австрии. Основанием российской политики долженствовало быть желание всеобщего мира, ибо война могла изменить состояние Европы; успехи Франции и Австрии могли иметь для нас равно опасные следствия, усилив ту или другую. Властолюбие Наполеона теснило Италию и Германию; первая, как отдаленнейшая, менее касалась до особенных польз России; вторая долженствовала сохранять свою независимость, чтобы удалить от нас влияние Франции. Император Александр более всех имел право на уважение Наполеона; слава героя италийского[72] еще гремела в Европе и не затмилась стыдом Германа и Корсакова[73]; Англия, Австрия были в глазах консула естественными врагами Франции; Россия казалась только великодушною посредницею Европы и, неотступно ходатайствуя за Германию, могла напомнить ему Треббию и Нови[74] в случае, если бы он не изъявил надлежащего внимания к нашим требованиям. Министр,

знаменитый в хитростях дипломатической науки, представлял Россию в Париже[75]; избрание такого человека свидетельствовало, сколь Александр чувствовал важность сего места, и даже могло быть приятно для самолюбия консулова. К общему изумлению, мы увидели, что граф Марков пишет свое имя под новым разделом германских южных областей в угодность, в честь Франции и к ее сильнейшему влиянию на землю немецкую[76]; но еще с большим изумлением мы сведали, что сей министр, в важном случае оказав излишнюю снисходительность к видам Наполеона, вручает грозные записки Талейрану о каком-то женевском бродяге, взятом под стражу во Франции[77], делает разные неудовольствия консулу в безделицах и, принужденный выехать из Парижа, получает голубую ленту[78]. Можно было угадать следствия... Но от чего такая перемена в системе? Узнали опасное властолюбие Наполеона? А дотоле не знали его?.. Здесь приходит мне на мысль тогдашний разговор одного молодого любимца государева и старого министра. Первый, имея более самолюбия, нежели остроумия, и весьма несильный в государственной науке, решительно объявил при мне, что Россия должна воевать для занятия умов праздных и для сохранения ратного духа в наших армиях; второй с тонкою улыбкою давал чувствовать, что он способствовал графу Маркову получать голубую ленту в досаду консулу. Молодой любимец веселился мыслею схватить ее в поле с славным Бонапарте, а старый министр торжествовал, представляя себе бессильную ярость Наполеона. Несчастные! Одним словом, история Маркова посольства, столь несогласного в правилах, была первою нашею политическою ошибкою.

Никогда не забуду своих горестных предчувствий, когда я, страдая в тяжкой болезни, услышал о походе нашего войска... Россия привела в движение все силы свои, чтобы помогать Англии и Вене, т.е. служить им орудием в их злобе на Францию без всякой особенной для себя

выгоды. Еще Наполеон в тогдашних обстоятельствах не вредил прямо нашей безопасности, огражденной Австриею, Пруссиею, числом и славою нашего воинства. Какие замыслы имели мы в случае успеха? Возвратить Австрии великие утраты ее? Освободить Голландию, Швейцарию? Признаем возможность, но только вследствие десяти решительных побед и совершенного изнурения французских сил... Что оказалось бы в новом порядке вещей? Величие, первенство Австрии, которая из благодарности указала бы России вторую степень, и то до времени, пока не смирила бы Пруссия, а там объявила бы нас державою азиатскою, как Бонапарте. Вот счастливая сторона; несчастная уже известна!.. Политика нашего Кабинета удивляла своею смелостью: одну руку подняв на Францию, другою грозили мы Пруссии, требуя от нее содействия! Не хотели терять времени в предварительных сношениях, — хотели одним махом все решить. Спрашиваю, что сделала бы Россия, если бы берлинское министерство ответствовало князю Долгорукову[79]: «Молодой человек! Вы желаете свергнуть деспота Бонапарте, а сами, еще не свергнув его, предписывали законы политике держав независимых!.. Иди своим путем, — мы готовы утвердить мечом свою независимость». Бенигсен[80], граф Толстой[81] ударили бы тогда на Пруссию? Прекрасное начало — оно стоило бы конца! Но князь Долгоруков летел с приятнейшим ответом[82]: правда, нас обманули, или мы сами обманули себя.

Все сделалось наилучшим образом для нашей истинной пользы. Мак[83] в несколько дней лишился армии; Кутузов, вместо австрийских знамен, увидел перед собою Наполеоновы, но с честию, славою, победою отступил к Ольмюцу. Два сильные воинства стояли готовые к бою. Осторожный, благоразумный Наполеон сказал своему: «Теперь Европа узнает, кому принадлежит имя храбрейших, — вам или россиянам», — и предложил нам средства мира.

Никогда политика российская не бывала в счастливейших обстоятельствах, никогда не имела столь мало причин сомневаться в выборе. Наполеон завоевал Вену, но Карл[84] приближался, и 80000 россиян ждали повеления обнажить меч. Пруссия готовилась соединиться с нами. Одно слово могло прекратить войну славнейшим для нас образом: изгнанник Франц[85] по милости Александра возвратился бы в Вену, уступив Наполеону, может быть, только Венецию; независимая Германия оградилась бы Рейном; наш монарх приобрел бы имя благодетеля, почти восстановителя Австрии и спасителя немецкой империи. Победа долженствовала быть, по крайней мере, сомнительною; что мы выигрывали с нею? Едва ли не одну славу, которую имели бы и в мире. Что могло быть следствием неудачи? Стыд, бегство, голод, совершенное истребление нашего войска, падение Австрии, порабощение Германии и т. д... Судьбы Божии неисповедимы: мы захотели битвы! Вот вторая политическая ошибка! (Молчу о воинских.)

Третья, и самая важнейшая следствиями, есть мир Тильзитский[86], ибо она имела непосредственное влияние на внутреннее состояние государства. Не говорю о жалкой истории полуминистра Убри, не порицаю ни заключенного им трактата (который был плодом Аустерлица), ни министров, давших совет государю отвергнуть сей лаконический договор[87]. Не осуждаю и последней войны с французами[88] — тут мы долженствовали вступиться за безопасность собственных владений, к коим стремился Наполеон, волнуя Польшу. Знаю только, что мы, в течение зимы, должны были или прислать новых 100 т[ысяч] к Бенингсену, или вступать в мирные переговоры, коих успех был вероятен. Пултуск и Прейсиш-Эйлау[89] ободрили россиян, изумив французов... Мы дождались Фридланда[90]. Но здесь-то следовало показать отважность, которая, в некоторых случаях, бывает глубокомысленным благоразумием: таков был сей. Надлежало забыть Европу,

проигранную нами в Аустерлице и Фридланде, надлежало думать единственно о России, чтобы сохранить ее внутреннее благосостояние, т.е. не принимать мира, кроме честного, без всякого обязательства расторгнуть выгодные для нас торговые связи с Англией и воевать со Швецией, в противность святейшим уставам человечества и народным. Без стыда могли бы мы отказаться от Европы, но без стыда не могли служить в ней орудием Наполеоновым, обещав избавить Европу от его насилий. Умолчим ли о втором, необходимом для нашей безопасности, условии, от коего мы долженствовали бы отступить, разве претерпев новое бедствие на правом берегу Немана, — условии, чтобы не быть Польше ни под каким видом, ни под каким именем? Безопасность собственная есть высший закон в политике: лучше было согласиться, чтоб Наполеон взял Шлезию, самый Берлин, нежели признать Варшавское герцогство[91].

Таким образом, великие наши усилия, имев следствием Аустерлиц и мир Тильзитский, утвердили господство Франции над Европою и сделали нас чрез Варшаву соседями Наполеона. Сего мало: убыточная война Шведская[92] и разрыв с Англией произвели неумеренное умножение ассигнаций, дороговизну и всеобщие жалобы внутри государства. Мы завоевали Финляндию; пусть Монитер[93] славит сие приобретение! Знаем, чего оно нам стоило, кроме людей и денег. Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя честью, справедливостью, вредим последнему. Мы взяли Финляндию, заслужив ненависть шведов, укоризну всех народов,— и я не знаю, что было горестнее для великодушия Александра — быть побежденным от французов, или принужденным следовать их хищной системе.

Пожертвовав союзу Наполеона нравственным достоинством великой империи, можем ли надеяться на искренность его дружбы? Обманем ли Наполеона? Сила

вещей неодолима. Он знает, что мы внутренно ненавидим его, ибо его боимся; он видел усердие в последней войне австрийской, более нежели сомнительное. Сия двоякость была необходимым следствием того положения, в которое мы поставили себя Тильзитским миром, и не есть новая ошибка. Легко ли исполняется обещание услуживать врагу естественному и придавать ему силы! Думаю, что мы, взяв Финляндию, не посовестились бы завоевать Галицию, если бы предвидели верный успех Наполеонов. Но Карл[94] мог еще победить; к тому же и самым усердным использованием обязанности союзников мы не заслужили бы искреннего доброжелательства Наполеонова: он дал бы нам поболее, но не дал бы средств утвердить нашу независимость. Скажем ли, что Александру надлежало бы пристать к австрийцам? Австрийцы не пристали к нам, когда Бонапарте в изнурении удалялся от Прейсиш-Эйлау и когда их стотысячная армия могла бы доконать его. Политика не злопамятна, без сомнения, но 30 или 40 тысяч россиян могли бы также не подоспеть к решительной битве, как эрц-герцог Иоанн[95] к Ваграмской[96]; Ульм, Аустерлиц находились в свежей памяти. Что бы вышло? Еще хуже: Бонапарте, увидев нашу отважность, взял бы скорейшие, действительнейшие меры для обуздания оной. На сей раз лучше, что он считает нас только робкими, тайными врагами, только не допускает мириться с турками, только из-под руки стращает Швециею и Польшею. Что будет далее — известно Богу, но людям известны сделанные нами политические ошибки; но люди говорят: для чего граф Марков сердил Бонапарте в Париже? Для чего мы легкомысленно войною навели отдаленные тучи на Россию? Для чего не заключили мира прежде Аустерлица? Глас народа — глас Божий. Никто не уверит россиян, чтобы советники Трона в делах внешней политики следовали правилам истинной, мудрой любви к отечеству и к доброму государю. Сии несчастные, видя беду, думали единственно о пользе

своего личного самолюбия: всякий из них оправдывался, чтобы винить монарха.

Посмотрим, как они действовали и действуют внутри государства. Вместо того, чтобы немедленно обращаться к порядку вещей Екатеринина царствования, утвержденному опытом 34-х лет, и, так сказать, оправданному беспорядками Павлова времени; вместо того, чтобы отменить единственно излишнее, прибавить нужное, одним словом исправлять по основательному рассмотрению, советники Александровы захотели новостей в главных способах монаршего действия, оставив без внимания правило мудрых, что всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости: ибо одно время дает надлежащую твердость уставам; ибо более уважаем то, что давно уважаем и все делаем лучше от привычки. Петр Великий заменил Боярскую думу Сенатом, приказы — коллегиями, и не без важного усилия сообщил оным стройную деятельность. Время открыло некоторые лучшие способы управления, и Екатерина II издала Учреждение губерний, приводя его в исполнение по частям с великой осторожностью. Коллегии дел судных и казенных уступили место палатам: другие остались[97], и если правосудие и государственное хозяйство при Екатерине не удовлетворяло всем желаниям доброго гражданина, то никто не мыслил жаловаться на формы, или на образование: жаловались только на людей. Фельдмаршал Миних замечал в нашем государственном чине некоторую пустоту между троном и Сенатом, но едва ли справедливо. Подобно древней Боярской Думе, Сенат в начале своем имел всю власть, какую только вышнее правительствующее место в самодержавии иметь может. Генерал-прокурор служил связью между им и государем; там вершились дела, которые надлежало бы вершить монарху; по человечеству не имея способа обнять их множество, он дал Сенату свое

верховное право и свое око в генерал-прокуроре, определив, в каких случаях действовать сему важному месту по известным законам, в каких требовать его высочайшего соизволения. Сенат издавал законы, поверял дела коллегий, решал их сомнения, или спрашивал у государя, который, принимая от него жалобы от людей частных, грозил строгой казнью ему в злоупотреблении власти, или дерзкому челобитчику в несправедливой жалобе. Я не вижу пустоты, и новейшая история, от времен Петра до Екатерины II, свидетельствует, что учреждение Верховных советов, кабинетов, конференций было несовместно с первоначальным характером Сената, ограничивая или стесняя круг его деятельности: одно мешало другому.

Сия система правительства не уступала в благоустройстве никакой иной европейской, заключая в себе, кроме общего со всеми, некоторые особенности, сообразные с местными обстоятельствами империи. Павел, не любя дел своей матери, восстановил разные уничтоженные ею коллегии[98], сделал перемены и в учреждении губерний, но благоразумные, отменив малонужные Верхние земские суды с Расправами[99], отняв право исполнения у решений Палатских[100] и пр[оч.]. Движимый любовью к общему благу, Александр хотел лучшего, советовался и учредил министерства[101], согласно с мыслями фельдмаршала Миниха[102] и с системою правительств иностранных. Прежде всего, заметим излишнюю поспешность в сем учреждении: министерства уставлены и приведены в действие, а не было еще наказа министрам, т.е. верного, ясного руководства в исполнении важных из обязанностей! Теперь спросим о пользе. Министерские бюро заняли место коллегий. Где трудились знаменитые чиновники, президент и несколько заседателей, имея долговременный навык и строгую ответственность правительствующего места, — там увидели мы маловажных чиновников, директоров, экспедиторов, столоначальников, которые, под щитом министра, действуют

без всякого опасения. Скажут, что министр все делает и за все ответствует; но одно честолюбие бывает неограниченно. Силы и способности смертного заключены в пределах весьма тесных. Например, министр внутренних дел, захватив почти всю Россию, мог ли основательно вникать в смысл бесчисленных входящих к нему и выходящих от него бумаг? Мог ли даже разуметь предметы столь различные? Начали являться, одни за другими, комитеты: они служили сатирой на учреждение министерств, доказывая их недостаток для благоуспешного правления. Наконец, заметили излишнюю многосложность внутреннего министерства... Что же сделали?.. Прибавили новое, столь же многосложное и непонятное для русских в его составе. Как? Опеки принадлежат министру полиции? Ему же и медицина? И пр[оч.], и пр[оч.]... Или сие министерство есть только часть внутреннего, или названо не своим именем? И благоприятствует ли славе мудрого правительства сие второе преобразование?[103] Учредили и после говорят: «Извините, мы ошиблись: сие относится не к тому, а к другому министерству». Надлежало бы обдумать прежде; иначе, что будет порукою и за твердость иного Устава? Далее, основав бытие свое на развалинах коллегий, — ибо самая Военная и Адмиралтейская утратили важность свою в сем порядке вещей, — министры стали между государем и народом, заслоняя Сенат, отнимая его силу и величие, хотя подведомые ему отчетами; но сказав: «Я имел счастие докладывать государю!» — заграждали уста сенаторам, а сия мнимая ответственность была доселе пустым обрядом. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государем, сообщались Сенату только для обнародования. Выходило, что Россией управляли министры, т.е. каждый из них по своей части мог творить и разрушать. Спрашиваем: кто более заслуживает доверенность — один ли министр или собрание знатнейших государственных сановников, которое мы

обыкли считать высшим правительством, главным орудием монаршей власти[104]? Правда, министры составляли между собою Комитет[105]; ему надлежало одобрить всякое новое установление прежде, нежели оно утверждалось монархом; но сей Комитет не походит ли на Совет 6 или 7 разноземцев, из коих всякий говорит особенным языком, не понимая других. Министр морских сил обязан ли разуметь тонкости судебной науки, или правила государственного хозяйства, торговли и проч.?.. Еще важнее то, что каждый из них, имея нужду в сговорчивости товарищей для своих особенных выгод, сам делается сговорчив.

«Просим терпения», ответствуют советники монарха: «мы изобретаем еще новый способ ограничить власть министров». Выходит учреждение Совета[106].

И Екатерина II имела Совет[107], следуя правилу: «ум хорошо, а два лучше». Кто из смертных не советуется с другими в важных случаях? Государи более всех имеют в том нужды. Екатерина в делах войны и мира, где ей надлежало произнести решительное д а, или н е т, слушала мнение некоторых избранных вельмож; вот — Совет ее, по существу своему, Т а й н ы й, т.е. особенный, лично императорский. Она не сделала его государственным, торжественным, ибо не хотела уничтожить Петрова Сената, коего бытие, как мы сказали, несовместно с другим высшим правительствующим местом. Какая польза унижать Сенат, чтоб возвысить другое правительство? Если члены первого недостойны монаршей доверенности, надобно только переменить их: или Сенат не будет Правительствующим, или Совет не может т о р ж е с т в е н н о и под своим именем рассматривать за ним дел и, мимо Сената, издавать с государем законы. Мы читаем ныне в Указах монарших: «вняв мнению Совета»... Итак, Сенат в стороне? Что же он? Останется ли только судилищем?.. Увидим, ибо нам велят ждать новых дополнительных Уставов государст-

венных, преобразования сенатского, губерний и пр[оч.]. «В монархии, — пишет Монтескье, — должно быть хранилище законов»[108], — le conseil du Prince n'est pas un dépôt convenable, il est par sa nature le dépôt de la volonté momentanée du Prince que exécute, et non pas le dépôt des lois fondamentales. Du plus, le conseil du Monarque change sans cesse; il n'est pas point permanent: il ne sauroit être nombreux, il n'a point à un assez haut degre la confiance du peuple; il n'est donc pas en état de l'éclairez dans les temps difficiles, ni de le ramenez à l'obéissance[109]. Что ни будет, но сказанное нами не изменится в главном смысле: Совет будет Сенатом, или его половиною, отделением. Сие значит играть именами и формами, придавать им важность, которую имеют только вещи. Поздравляю изобретателя сей новой формы, или предисловия законов: «вняв мнению Совета»; государь российский внемлет только мудрости, где находит ее: в собственном ли уме, в книгах ли, в голове ли лучших своих подданных; но в самодержавии не надобно никакого одобрения для законов, кроме подписи государя; он имеет всю власть. Совет, Сенат, комитеты, министры суть только способы ее действий, или поверенные государя; их не спрашивают, где он сам действует. Выражение «le conseil d'état entendu»[110] не имеет смысла для гражданина российского; пусть французы справедливо, или несправедливо, употребляют оное!.. Правда, и у нас писали: «Государь указал, бояре приговорили», но сия законная пословица была на Руси несколько лет панихидою на усопшую аристократию боярскую. Воскресим ли форму, когда и вещь, и форма давно истребились?

Совет, говорят, будет уздою для министров. Император отдает ему рассматривать важнейшие их пред-

ставления; но, между тем, они все будут править государством именем государя. Совет не вступается в обыкновенное течение дел, вопрошаемый единственно в случаях чрезвычайных, или в новых постановлениях, а сей обыкновенный порядок государственной деятельности составляет благо или зло нашего времени.

Спасительными уставами бывают единственно те, коих давно желают лучшие умы в государстве, и которые, так сказать, предчувствуются народом, будучи ближайшим целебным средством на известное зло: учреждение министерств и Совета имело для всех действие внезапности. По крайней мере, авторы долженствовали изъяснить пользу своих новых образований: читаю и вижу одни сухие формы. Мне чертят линии для глаз, оставляя мой ум в покое. Говорят россиянам: «Было так, отныне будет иначе». Для чего? — не сказывают. Петр Великий в важных переменах государственных давал отчет народу: взгляните на Регламент духовный, где император открывает вам всю душу свою, все побуждения, причины и цель сего Устава. Вообще новые законодатели России славятся наукою письмоводства более, нежели наукою государственною: издают проект Наказа[111] министерского, — что важнее и любопытнее?.. Тут, без сомнения, определена сфера деятельности, цель, способы, должности каждого министра?.. Нет! Брошено несколько слов о главном деле, а все другое относится к мелочам канцелярским: сказывают, как переписываться министерским департаментам между собою, как входят и выходят бумаги, как государь начинает и кончит свои рескрипты! Монтескье означает признаки возвышения или падения империи. Автор сего проекта[112] с такою же важностью дает правила судить о цветущем и худом состоянии канцелярий. Искренне хвалю его знания в сей части, но осуждаю постановление: «Если государь издает указ, несогласный с мыслями

министра, то министр не скрепляет оного своей подписью». Следственно, в государстве самодержавном министр имеет законное право объявить публике, что выходящий указ, по его мнению, вреден? Министр есть рука венценосца, — не более! Рука не судит головы. Министр подписывает Именные указы не для публики, а для императора, во уверение, что они написаны, слово в слово, так, как государь приказал. Подобные ошибки в коренных государственных понятиях едва ли извинительны. Чтобы определить важную ответственность министра, автор пишет: «Министр судится в двух случаях: когда преступит меру власти своей, или когда не воспользуется данными ему способами для отвращения зла». Где же означена сия мера власти и сии способы? Прежде надобно дать закон, а после говорить о наказании преступника. Сия громогласная ответственность министров в самом деле может ли быть предметом торжественного суда в России? Кто их избирает? Государь. Пусть он награждает достойных своею милостию, а в противном случае, удаляет недостойных, без шума, тихо и скромно. Худой министр есть ошибка государева: должно исправлять подобные ошибки, но скрытно, чтобы народ имел доверенность к личным выборам царским.

Рассматривая таким образом сии новые государственные творения и видя их незрелость, добрые россияне жалеют о бывшем порядке вещей. С Сенатом, с коллегиями, с генерал-прокурором у нас шли дела, и прошло блестящее царствование Екатерины II. Все мудрые законодатели, принуждаемые изменять уставы политические, старались как можно менее отходить от старых. «Если число и власть сановников необходимо должны быть переменены, — говорит умный Макиавелли, — то удержите хотя имя их для народа»[113]. Мы посту-

паем совсем иначе: оставляем вещь, гоним имена, для произведения того же действия вымышляем другие способы! Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового, а новому добру как-то не верится. Перемены сделанные не ручаются за пользу будущих: ожидают их более со страхом, нежели с надеждой, ибо к древним государственным зданиям прикасаться опасно. Россия же существует около 1000 лет и не в образе дикой Орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто бы мы недавно вышли из темных лесов американских! Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой. Если история справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иноземным державам, то оно в наше время не будет ли еще страшнее? Где, в какой земле европейской блаженствует народ, цветет правосудие, сияет благоустройство, сердца довольны, умы спокойны?.. Во Франции?.. Правда, там есть Conseil d'Etat, Secretraie d'Etat, Senat conservateur, Ministres de l'Interieur, de la Justice, des Finances, de l'Instruction publique, de la Police, des Cultes[114], — правда, что Екатерина II не имела ни сих правительств, ни сих чиновников. Но где видим гражданское общество, согласное с истинною целию оного, — в России ли при Екатерине II, или во Франции при Наполеоне? Где более произвола и прихотей самовластия? Где более законного, единообразного течения в делах правительства? Мы читаем в прекрасной душе Александра сильное желание утвердить в России действие закона... Оставив прежние формы, но двигая, так сказать, оные постоянным духом ревности к общему добру, он скорее мог бы достигнуть сей цели и затруднил

бы для наследников отступление от законного порядка. Гораздо легче отменить новое, нежели старое; гораздо легче придать важности Сенату, нежели дать важность нынешнему Совету в глазах будущего преемника Александрова; новости ведут к новостям и благоприятствуют необузданностям произвола.

Скажем ли, повторим ли, что одна из главных причин неудовольствия россиян на нынешнее правительство есть излишняя любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи, и коих благотворность остается доселе сомнительной.

Теперь пройдем в мыслях некоторые временные и частные постановления Александрова царствования; посмотрим, какие меры брались в обстоятельствах важных и что было их следствием.

Наполеон, одним махом разрушив дотоле знаменитую державу прусскую, стремился к нашим границам. Никто из добрых россиян не был покоен: все чувствовали необходимость усилий чрезвычайных и ждали, что сделает правительство. Выходит Манифест о милиции[115]... Верю, что советники государевы имели доброе намерение, но худо знали состояние России. Вооружить 600 000 человек, не имея оружия в запасе! Прокормить их без средства везти хлеб за ними, или изготовить его в тех местах, куда им идти (не?) надлежало! Где взять столько дворян для предводительства? Во многих губерниях недоставало и половины чиновников. Изумили дворян, испугали земледельцев; подвозы, работы остановились; с горя началось пьянство между крестьянами; ожидали и дальнейших неистовств. Бог защитил нас. Нет сомнения, что благородные сыны Отечества готовы были тогда на великодушные жертвы, но скоро общее усердие простыло; увидели, что правительство хотело

невозможного; доверенность к нему ослабела, и люди, в первый раз читавшие Манифест со слезами, чрез несколько дней начали смеяться над жалкой милицией! Наконец, уменьшили число ратников... Имели 7 месяцев времени — и не дали армии никакой сильной подмоги! За то — мир Тильзитский... Если бы правительство, вместо необыкновенной для нас милиции, потребовало от государства 150 т[ысяч] рекрутов с хлебом, с подводами, с деньгами, то сие бы не произвело ни малейшего волнения в России и могло бы усилить нашу армию прежде Фридландской битвы. Надлежало бы только не дремать в исполнении. В случае государственных чрезвычайных опасностей и жертв, главное правило есть действовать стремительно, не давать людям образумиться, не отступать в мерах, не раздумывать. Я читал переписку русских воевод при Лжедимитрии, когда мы не имели ни царя, ни Совета Боярского, ни столицы: сии воеводы худо знали грамоте, но знали Россию и спасли ее самыми простейшими средствами, требуя друг от друга, что каждый из них мог сделать лучшего по местным обстоятельствам своего начальства. Сию статью заключу особенным примечанием. Во время милиции все жаловались на недостаток оружия и винили беспечность начальства: не знаю, воспользовались ли мы опытом для нашей будущей безопасности? Арсеналы наполняются ли пушками и ружьями на всякий случай? Слышу только, что славный Тульский завод приходит в упадок, что новые паровые машины действуют не весьма удачно и что новые образцовые ружья причиною разорения мастеров... Так ли?

Все намерения Александровы клонятся к общему благу. Гнушаясь бессмысленным правилом удержать умы в невежестве, чтобы властвовать тем спокойнее, он употребил миллионы для основания университетов, гимназий, школ... К сожалению,

видим более убытка для казны, нежели выгод для Отечества. Выписали профессоров, не приготовив учеников; между первыми много достойных людей, но мало полезных; ученики не разумеют иноземных учителей, ибо худо знают язык латинский, и число их так невелико, что профессоры теряют охоту ходить в классы. Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким; не рассудив, что здесь иные обстоятельства. В Лейпциге, в Геттингене надобно профессору только стать на кафедру — зал наполнится слушателями. У нас нет охотников для высших наук. Дворяне служат, а купцы желают знать существенно арифметику, или языки иностранные для выгоды своей торговли. В Германии сколько молодых людей учатся в университетех для того, чтобы сделаться адвокатами, судьями, пасторами, профессорами! — наши стряпчие и судьи не имеют нужды в знании римских прав; наши священники образуются кое-как в семинариях и далее не идут, а выгоды ученого состояния в России так еще новы, что отцы не вдруг еще решатся готовить детей своих для оного. Вместо 60 профессоров, приехавших из Германии в Москву и другие города, я вызвал бы не более 20 и не пожалел бы денег для умножения числа казенных питомцев в гимназиях; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость государя, и призренная бедность чрез 10, 15 лет произвела бы в России ученое состояние. Смею сказать, что нет иного действительнейшего средства для успеха в сем намерении. Строить, покупать домы для университетов, заводить библиотеки, кабинеты, ученые общества, призывать знаменитых иноземных астрономов, филологов — есть пускать в глаза пыль. Чего не преподают ныне даже в Харькове

и Казани? А в Москве с величайшим трудом можно найти учителя для языка русского, а в целом государстве едва ли найдешь человек 100, которые совершенно знают правописание, а мы не имеем хорошей грамматики, и в Именных указах[116] употребляются слова не в их смысле: пишут в важном банковом учреждении: «отдать деньги бессрочно» вместо «à perpétuité» — «без возврата»; пишут в Манифесте о торговых пошлинах: «сократить ввоз товаров» и проч., и проч. Заметим также некоторые странности в сем новом образовании ученой части. Лучшие профессоры, коих время должно быть посвящено науке, занимаются подрядами свеч и дров для университета! В сей круг хозяйственных забот входит еще содержание ста, или более, училищ, подведомых университетскому Совету. Сверх того, профессоры обязаны ежегодно ездить по губерниям для обозрения школ... Сколько денег и трудов потерянных! Прежде хозяйство университета зависело от его особой канцелярии — и гораздо лучше. Пусть директор училищ года в два один раз осмотрел бы уездные школы в своей губернии; но смешно и жалко видеть сих бедных профессоров, которые всякую осень трясутся в кибитках по дорогам! Они, не выходя из Совета, могут знать состояние всякой гимназии или школы по ее ведомостям: где много учеников, там училище цветет; где их мало, там оно худо; а причина едва ли не всегда одна: худые учители. Для чего не определяют хороших? Их нет? Или мало?.. Что виною? Сонливость здешнего Педагогического института (говорю только о московском, мне известном). Путешествия профессоров не исправят сего недостатка. Вообще Министерство так называемого просвещения в России доныне дремало, не чувствуя

своей важности и как бы не ведая, что ему делать, а пробуждалось, от времени и до времени, единственно для того, чтобы требовать денег, чинов и крестов от государя.

Сделав многое для успеха наук в России и с неудовольствием видя слабую ревность дворян в снискании ученых сведений в университетах, правительство желало принудить нас к тому и выдало несчастный Указ об экзаменах[117]. Отныне никто не должен быть производим ни в статские советники, ни в асессоры, без свидетельства о своей учености. Доселе в самых просвещенных государствах требовалось от чиновников только необходимого для их службы знания: науки инженерной — от инженера, законоведения — от судьи и проч. У нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский — свойство оксигена и всех газов. Вице-губернатор — пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших — римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия, столь несогласного с их целью! Забавно, что сочинитель сего Указа[118], предписывающего всем знать риторику, сам делает в нем ошибки грамматические!.. Не будем говорить о смешном; заметим только вредное. Доныне дворяне и не дворяне в гражданской службе искали у нас чинов или денег; первое побуждение невинно, второе опасно: ибо умеренность жалованья производит в корыстолюбивых охоту мздоимства. Теперь, не зная ни физики, ни статистики, ни других наук, для чего будут служить титулярные и коллежские советники? Лучшие, т.е. честолюбивые, возьмут отставку, худшие, т.е. корыстолюбивые, останутся драть кожу с живого и мертвого.

Уже видим и примеры. Вместо сего нового постановления надлежало бы только исполнить сказанное в Уставе университетском, что впредь молодые люди, вступая в службу, обязаны предъявлять свидетельство о своих знаниях. От начинающих можно всего требовать, но кто уже давно служит, с тем нельзя, по справедливости, делать новых условий для службы; он поседел в трудах, в правилах чести и в надежде иметь некогда чин статского советника, ему обещанного законом; а вы нарушаете сей контракт государственный. И, вместо всеобщих знаний, должно от каждого человека требовать единственно нужных для той службы, коей он желает посвятить себя: юнкеров Иностранной коллегии испытывайте в статистике, истории, географии, дипломатике, языках; других — только в знаниях отечественного языка и права русского, а не римского, для нас бесполезного; третьих — в геометрии, буде они желают быть землемерами и т. д. Хотеть лишнего, или не хотеть должного, равно предосудительно.

Указ об экзаменах был осыпан везде язвительными насмешками; тот, о коем теперь хочу говорить, многих оскорбил и никого не порадовал, хотя самое святейшее человеколюбие внушило его мысль государю. Слыхали мы о дворянах-извергах, которые торговали людьми бесчеловечно: купив деревню, выбирали крестьян, годных в солдаты, и продавали их врозь. Положим, что такие звери были в наше время, — надлежало бы грозным Указом запретить сей промысел и сказать, что имение дворян, столь недостойных, будет отдаваемо в опеку. Губернаторы могли бы наблюдать за исполнением. Вместо сего, запрещают продажу и куплю рекрут. Дотоле лучшие земледельцы охотно трудились 10, 20 лет, чтобы скопить 700 или 800 рублей на покупку рекрута и тем сохранить целость семьи своей, — ныне отнято от них сильнейшее

побуждение благодетельного трудолюбия, промышленности, жизни трезвой. На что богатство родителю, когда оно не спасет любезного его сына? Правда, винные откупщики радуются, но отцы семейств плачут. Для государства необходимы рекруты — лучше брать их из людей злосчастных, нежели счастливых, ибо судьба последних несравненно горестнее в солдатстве. Спрашиваю: крестьяне тирана-помещика, который, из жадности к золоту, мог бы продать их в рекруты, наслаждаются ли благоденствием от того, что сия продажа запрещена? Может быть, они сделались бы менее злополучны в полках! С другой стороны, небогатые владельцы лишились средства сбывать худых крестьян или дворовых людей с пользой для себя и для общества; ленивый, невоздержанный исправился бы в строгой школе воинской; а работящий, трезвый, остался бы за сохою. Пример также имел бы спасительное действие: иной унялся бы от пьянства, зная, что господин может продать его в рекруты. Чем теперь владелец мелкопоместный, коему нет очереди рекрутской, устрашит крестьян распутных? Палкой? Изнурительным трудом? Не полезнее ли им страшиться палки в роте? Скажут, что ныне у нас лучше солдаты, но справедливо ли? Я спрашивал у генералов — они сего не приметили. По крайней мере, верно то, что крестьяне стали хуже в селениях. Отец трех, иногда двух сыновей заблаговременно готовит одного из них в рекруты и не женит его; сын знает свою долю и пьянствует, ибо добрым поведением не спасет себя от солдатства. Законодатель должен смотреть на вещи с разных сторон, а не с одной; иначе, пресекая зло, может сделать еще более зла.

Так, нынешнее правительство имело, как уверяют, намерение дать господским людям свободу. Должно знать происхождение сего рабства. В девятом, десятом, первом-на-десять веке были у нас рабами одни холопы,

т.е. или военнопленные и купленные чужеземцы, или преступники, законом лишенные гражданства, или потомки их; но богатые люди, имея множество холопей, населяли ими свои земли: вот первые, в нынешнем смысле, крепостные деревни. Сверх того, владелец принимал к себе вольных хлебопашцев в кабалу на условиях, более или менее стеснявших их естественную и гражданскую свободу; некоторые, получая от него землю, обязывались и за себя, и за детей своих служить ему вечно — вторая причина сельского рабства! Другие же крестьяне, и большая часть, нанимали землю у владельцев только за деньги, или за определенное количество хлеба, имея право по истечении урочного времени идти в другое место. Сии свободные переходы имели свое неудобство: вельможи и богатые люди сманивали к себе вольных крестьян от владельцев малосильных, которые, оставаясь с пустою землею, лишались способа платить государственные повинности. Царь Борис отнял первый у всех крестьян волю переходить с места на место, т.е. укрепил их за господами, — вот начало общего рабства[119]. Сей устав изменялся, ограничивался, имел исключения и долгое время служил поводом к тяжбам, наконец, утвердился во всей силе — и древнее различие между крестьянами и холопями совершенно исчезло. Следует: 1) что нынешние господские крестьяне не были никогда владельцами, т.е. не имели собственной земли, которая есть законная, неотъемлемая собственность дворян. 2) Что крестьяне холопского происхождения — также законная собственность дворянская, и не могут быть освобождены лично без особенного некоторого удовлетворения помещикам. 3) Что одни вольные, Годуновым укрепленные за господами, земледельцы могут, по справедливости, требовать прежней свободы; но как — 4) мы не знаем ныне, которые из них происходят от холопей и которые от вольных людей, то законо-

дателю предстоит немалая трудность в распутывании сего узла гордиева, если он не имеет смелости рассечь его, объявив, что все люди равно свободны: потомки военнопленных, купленных, законных невольников, и потомки крепостных земледельцев, — что первые освобождаются правом естественным так же, как вторые — правом монарха самодержавного отменять Уставы своих предшественников. Не вступая в дальнейший спор, скажем только, что в государственном общежитии право естественное уступает гражданскому, и что благоразумный самодержец отменяет единственно те Уставы, которые делаются вредными или недостаточными и могут быть заменены лучшими.

Что значит освободить у нас крестьян? Дать им волю жить, где угодно, отнять у господ всю власть над ними, подчинить их одной власти правительства. Хорошо. Но сии земледельцы не будут иметь земли, которая — в чем не может быть и спора — есть собственность дворянская. Они или останутся у помещиков, с условием платить им оброк, обрабатывать господские поля, доставлять хлеб куда надобно, одним словом, для них работать, как и прежде, — или, недовольные условиями, пойдут к другому, умереннейшему в требованиях, владельцу. В первом случае, надеясь на естественную любовь человека к родине, господа не предпишут ли им самых тягостных условий? Дотоле щадили они в крестьянах свою собственность, — тогда корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических: напишут контракт, и земледельцы не исполнят его, — тяжбы, вечные тяжбы!.. Во втором случае, буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей? Не потерпит ли и земледелие? Не останутся ли многие поля не обработанными, многие житницы пустыми? Не вольные земледельцы, а дворяне наиболее снаб-

жают у нас рынки хлебом. Иное зло: уже не завися от суда помещиков, решительного, безденежного, крестьяне начнут ссориться между собою и судиться в городе, — какое разорение!.. Освобожденные от надзора господ, имевших собственную земскую исправу, или полицию, гораздо деятельнейшую всех земских судов, станут пьянствовать, злодействовать, — какая богатая жатва для кабаков и мздоимных исправников, но как худо для нравов и государственной безопасности! Одним словом, теперь дворяне, рассеянные по всему государству, содействуют монарху в хранении тишины и благоустройства: отняв у них сию власть блюстительную, он, как Атлас[120], возьмет себе Россию на рамена[121] — удержит ли?.. Падение страшно. Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внешнюю целость государства; благотворить состояниям и лицам есть уже вторая. Он желает сделать земледельцев счастливее свободою; но ежели сия свобода вредна для государства? И будут ли земледельцы счастливы, освобожденные от власти господской, но преданные в жертву их собственным порокам, откупщикам и судьям бессовестным? Нет сомнения, что крестьяне благоразумного помещика, который довольствуется умеренным оброком или десятиною пашни на тягло, счастливее казенных, имея в нем бдительного попечителя и заступника. Не лучше ли под рукою взять меры для обуздания господ жестоких? Они известны начальникам губерний. Ежели последние верно исполнят свою должность, то первых скоро не увидим; а ежели не будет в России умных и честных губернаторов, то не будет благоденствия и для поселян вольных. Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную. Тогда они имели навык людей вольных — ныне имеют навык рабов. Мне кажется,

что для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным, а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением? В заключение скажем доброму монарху: «Государь! История не упрекнет тебя злом, которое прежде тебя существовало (положим, что неволя крестьян и есть решительное зло), — но ты будешь ответствовать Богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных Уставов».

Не осуждаю Александрова закона, дающего право селениям откупаться от господ с их согласия; но многие ли столь богаты? Многие ли захотят отдать последнее за вольность? Крестьяне человеколюбивых владельцев довольны своею участью; крестьяне худых — бедны: то и другое мешает успеху сего закона.

К важнейшим действиям нынешнего царствования относятся меры, взятые для уравнения доходов с расходами, для приведения в лучшее состояние торговли и вообще государственного хозяйства. Две несчастные войны французские, Турецкая[122] и, в особенности, Шведская заставили казну умножить количество ассигнаций; случилось необходимое: цены на вещи возвысились и курс упал; а разрыв с Англией[123] довершил сие бедствие. Грузные товары наши могут быть единственно отпускаемы морем; число иностранных кораблей в российских гаванях уменьшилось, а произведения фабрик европейских, легкие, драгоценные, входили к нам и морем и сухим путем. Исчезло всякое равновесие между ввозом и вывозом. Таково было состояние вещей, когда показался Манифест о налогах[124]; вместо того, чтобы сказать просто: «Необходимое умножение казенных расходов требует умножения доходов, а новых ассигнаций не хотим выпускать», — правительство торжественно объявило

нам, что ассигнации не деньги, но составляют необъятную сумму долгов государственных, требующих платежа металлом, коего нет в казне!.. Следствием было новое возвышение цен на все вещи и падение курса. Первое — от новых налогов, второе — от уменьшения доверенности иноземцев к нашим ассигнованиям, торжественно оглашенным сомнительными векселями. Скажем о том и другом несколько слов.

Умножать государственные доходы новыми налогами есть способ весьма ненадежный и только временный. Земледелец, заводчик, фабрикант, обложенные новыми податями, всегда возвышают цены на свои произведения, необходимые для казны, и чрез несколько месяцев открываются в ней новые недостатки. Напр., за что Комиссариат платил в начале года 10 т[ысяч] руб., за то, вследствие прибавленных налогов, подрядчики требуют 15 т[ысяч] руб.! Опять надобно умножать налоги, и так до бесконечности! Государственное хозяйство не есть частное: я могу сделаться богатее от прибавки оброка на крестьян моих, а правительство не может, ибо налоги его суть общие и всегда производят дороговизну. Казна богатеет только двумя способами: размножением вещей или уменьшением расходов, промышленностью или бережливостью. Если год от года будет у нас более хлеба, сукон, кож, холста, то содержание армий должно стоить менее, а тщательная экономия богатее золотых рудников. Миллион, сохраненный в казне за расходами, обращается в два; миллион, налогом приобретенный, уменьшается ныне вполовину, завтра будет нулем. Искренно хваля правительство за желание способствовать в России успехам земледелия и скотоводства, похвалим ли за бережливость? Где она? В уменьшении дворцовых расходов? Но бережливость государя не есть государственная! Александра называют даже скупым; но сколько изобретено новых мест,

сколько чиновников ненужных! Здесь три генерала стерегут туфли Петра Великого; там один человек берет из 5 мест жалованье; всякому — столовые деньги; множество пенсий излишних; дают взаймы без отдачи и кому? — богатейшим людям! Обманывают государя проектами, заведениями на бумаге, чтобы грабить казну... Непрестанно на государственное иждивение ездят инспекторы, сенаторы, чиновники, не делая ни малейшей пользы своими объездами; все требуют от императора домов — и покупают оные двойною ценою из сумм государственных, будто бы для общей, а в самом деле для частной выгоды, и проч., и проч. Одним словом, от начала России не бывало государя, столь умеренного в своих особенных расходах, как Александр, — и царствования, столь расточительного, как его! В числе таких несообразностей заметим, что мы, предписывая дворянству бережливость в указах, видим гусарских армейских офицеров в мундирах, облитых серебром и золотом! Сколько жалованья сим людям? И чего стоит мундир? Полки красятся не одеждою, а делами. Мало остановить некоторые казенные строения и работы, мало сберечь тем 20 м[иллионов], — не надобно тешить бесстыдного корыстолюбия многих знатных людей, надобно бояться всяких новых штатов, уменьшить число тунеядцев на жалованье, отказывать невеждам, требующим денег для мнимого успеха наук, и, где можно, ограничить роскошь самых частных людей, которая в нынешнем состоянии Европы и России вреднее прежнего для государства.

Обратимся к ассигнациям. Многие простодушные, впрочем, неглупые люди доныне думают, что советники правительства в сем случае имели свои тайные виды и хотели умышленно повредить государственному кредиту. Я изъясняю себе загадку, как и в других случаях, одною известною хвастливостью неоснова-

тельных умов и не менее известною их охотою умничать. Доселе назывались в России государственными долгами только те суммы, которые наше правительство занимало в Голландии или в других землях; никто не причислял ассигнаций к оным, и всякий считал их деньгами, ибо они служили, как деньги в купле. Жители Мальдивских островов не знают иной монеты, кроме ничтожных раковин, имея торговлю внутреннюю и внешнюю. Кто дает цену деньгам? Правительство, объявляя, что оно будет принимать их в дань народную вместо таких и таких вещей. Если бы государь дал нам клейменные щепки и велел ходить им вместо рублей, нашедши способ предохранять нас от фальшивых монет деревянных, то мы взяли бы и щепки. Монеты введены не для делания из них сосудов, пуговиц, табакерок, но для оценки вещей и сравнения их между собою. Пусть металлическая монета, как доказывают Бюш[125] и другие, есть наилучшая, уже быв известною и во времена Иова; но сильное государство, богатое вещами, должно ли признать себя нищим, должно ли не иметь ни армии, ни флотов для того, что у него, по обстоятельствам, нет в избытке ни серебра, ни золота? Самое золото имеет гораздо более вообразительного, нежели внутреннего достоинства. Кто бы за его блесточку отдал зимою теплую шубу, если бы оно ценилось только по своей собственной пользе? Но отдаю шубу и беру блесточку, когда могу обойтись без первой, а на вторую купить себе кафтан. Если мне дают кафтан и за бумажку, то бумажка и блесточка для меня равно драгоценны. Ассигнации уменьшаются в цене от своего размножения; золото и серебро также. Открытие Америки произвело в оценке европейских товаров действие, подобное тому, что видим ныне в России от ассигнаций. Сей закон соразмерности непреложен. От IX до XIV века предки

наши не имели собственной металлической монеты, а единственно кожаные, правительством заклеймованные лоскутки, называемые к у н а м и[126], т.е. ассигнациями, и торговали с Востоком и Западом, с Грецией, с Персией, с Немецкою Ганзою; от IX в[ека] до 1228 года лоскутки сии не унижались в цене относительно к серебру, ибо правительство не расточало их, — но унизились до крайности, быв после того размножены неумеренно. Достойно примечания, что сии кожаные ассигнации были у нас заменены серебряною и медною монетою в самые мятежные и варварские времена ига ханского, когда баскаки уважались более князей. Татары не хотели брать к у н, а требовали серебра. Россиянин мог откупиться от мук, от смерти, от неволи куском сего металла; отдавал за него все, что имел, и с презрением отвергал к у н ы, так что они сами собою долженствовали исчезнуть.

Прежде серебро шло в Киев из Греции, после в Новгород из Сибири чрез Югорию[127], туда же из Немецкой земли, чрез города анзеатические[128], наконец, в Москву из самой Орды, с коею мы завели торговлю. Но количество добываемых купечеством металлов было столь невелико, что россияне, отменив куны, внутри государства долженствовали, большею частью, меняться вещами, — дело весьма неблагоприятное для успехов торговли и следствие варварства! Царь Иоанн Васильевич истощил казну многими, дотоле необыкновенными, расходами и, видя недостаток серебра, снова думал ввести кожаные деньги. Хотя торговля с Англией и приобретение богатой Сибири с ее рудниками наделяли нас изрядным количеством металлов, однако ж Петр Великий нуждался в оных, и серебро в России было тогда дороже, нежели в других землях европейских, — почему купцы иноземные охотно привозили к нам червонцы и талеры.

Несмотря на то, редкость денег препятствовала успехам торговли внутри государства: из самых отдаленных губерний возили в столицу сухим путем хлеб и другие дешевые вещи, ибо не могли продавать их на месте. В Петербурге, в Архангельске, в Москве сыпалось золото и серебро, — в Симбирске, в Пензе, в Воронеже едва показывалось. В бумагах времен императрицы Анны и Правительницы[129] видим жалобы умнейшего из российских министров на великий недостаток в легкой монете: Остерман предполагал несколько раз закупить большое количество серебра в Голландии, не имев мысли об ассигнациях, и едва ли знав, что Россия в новом государственном порядке Европы первая и столь долго употребляла оные. Наконец, Екатерина II изданием ассигнаций сперва изумила, но скоро облегчила народ во всех платежах и торговых сделках. Увидели удобность и пользу. Дотоле заемные и купеческие обороты производились у нас векселями — с сего времени ассигнации заступили место векселей и распространили внутреннюю торговлю. Правительство обязывалось выдавать металлические деньги за оные; но знало, что публика, однажды навсегда удостоверенная в действительности бумажек, станет требовать от Банка единственно малых сумм, нужных для мелочных расходов. Так и было в царствование Екатерины к пользе государственной и народной: казна приобрела знатный капитал и могла в чрезвычайных случаях обходиться без умножения податей; народ перестал нуждаться в деньгах, и серебро, уже менее необходимое, долго держалось в одной цене с ассигнациями, после возвысилось безделицею, потом более и, наконец, в 1,5 раза, вместе с постепенным возвышением всех иных цен, — необходимое следствие прибавки 200 м[иллионов] к денежной сумме, бывшей у нас дотоле в обращении. Где мало денег, там вещи дешевы, — где много первых, там последние дороги.

Серебряная монета, замененная ассигнациями, сделалась в отношении к ним дороже, не как монета, предпочитаемая бумажкам, но как товар. Стали замечать общую дороговизну, которая, однако ж, не выходила из меры и не была решительным злом. Справедливо жаловались на правительство, когда оно в последние годы Екатеринина царствования не могло удовлетворять народному требованию в выдаче мелкой разменной монеты. Время Павлово не произвело никакой важной перемены в государственном хозяйстве, ибо казна не умножала ассигнаций. Но в нынешнее царствование излились оные рекою, и вещи удвоились, утроились в цене. Не осуждаем правительства за выпуск может быть 500 м[иллионов] бумажных рублей. Находились ли иные, лучшие способы для удовлетворения государственным потребностям? Не знаю, даже сомневаюсь!.. Но когда сделалось неминуемое зло, то надобно размыслить и взять меры в тишине, не ахать, не бить в набат, от чего зло увеличивается. Пусть министры будут искренни пред лицом одного монарха, а не пред народом! Сохрани Боже, если они будут следовать иному правилу — обманывать государя и сказывать всякую истину народу! Объявите, что отныне фабрика ассигнационная останется без дела. Хорошо, но к чему толковать слова: «Объявителю платит Государственный банк» и проч. Я позволил бы сказать Вам, что ассигнации не деньги, если бы Вы могли отворить банки и ящики, наполненные серебром, для вымена бумажек; позволил бы сказать, что ассигнации не деньги, если бы у нас были другие. Какие же? Серебряные? Медные? Сколько их теперь в России? И думаете ли, что бедная сумма оных могла бы удовольствовать государство в торговых его оборотах? В древней России ходили куны вместе с серебром и золотом, в новой — ходят ассигнации вместе с металлами, тогда и ныне редкими. Кожаный

лоскут не лучше бумажного, но древние князья киевские, славянские, новгородские не изъясняли народу, что куны — вексель, — и Россия 500 лет довольствовалась оными, благославляя сие счастливое изобретение: привычка сильнее мудрования! Несмотря на вексельную форму ассигнаций, мы не считали государя должником своим, не ждали от него платы за бумажки, не осведомлялись о состоянии казны, будучи довольны тем, что мы имели за них все вещи по желанию. Пусть ассигнации — вексель, но государственный, свойством отличный от купеческого или гражданского. Правительство выпускает их в обращение под видом векселей; но, вошедши в общее употребление, они уже делаются монетою там, где нет иной в достаточном количестве. Необходимость есть закон для правительства и народа. Если бы купец сказал о своих заемных письмах то, что в Манифесте сказано об ассигнациях[130]; если бы объявил торжественно, что надавал их непомерное множество и крайне заботится о следствиях, — едва ли бы кто на другой день согласился продать ему свое имение на вексель; а за наши ассигнации и теперь продают все. Они унизились ценою в отношении к вещам не для того, чтобы лишились доверия или кредита, но следуя общему закону соразмерности между вещами и деньгами; одним словом, вопреки Манифесту, ассигнации и теперь остаются у нас деньгами, ибо иных не имеем; но купцы иноземные, купцы, гораздо ученнейшие россиян в языке и в признаке государственного банкротства, усумнились иметь дела с нами, — курс упадал более и более, уменьшая цену российских произведений для иноземцев и возвышая оную для нас самих.

Что сказать о так называемом Разуме Манифеста[131], всюду разосланном вместе с оным? Надобно, чтоб разум находился в самом Манифесте, а не в особенном творении какого-нибудь

школьника-секретаря[132], который со смешною важностью толкует сам слова, повторением их или перестановкой, гордо объявляя, что одни слабоумные считают нужным перелив монеты сообразно с ее нынешнею ценою и что пуд меди, стоющий во всех других вещах 40 р., в деньгах должен ходить за 16 р.; ибо, если мы из медного рубля сделаем два, то все цены удвоятся. Нет, г. изъяснитель, — медная монета есть у нас только разменная, в коей мы теперь имеем крайнюю нужду и которая уменьшается от тайного переплавливания в вещи или от вывоза в чужие земли. Не надобно из рубля меди без необходимости делать десяти, чтобы не было фальшивой монеты; но не должно делать и 16 р. из 40, чтобы монету не переплавливали в кубы и проч. Ни в каком государстве металлы не ходят в деньгах ниже своей цены. Вопреки сему Разуму правительство уставило переменить медную монету и сделать из 16—24 р.; для чего же не 40, не 50? Не так легко делание фальшивой монеты, если бы медь чрез несколько времени и весьма унизилась в цене, чему доказательством служит собственный наш пример, когда медные деньги со времен Петра Великого ходили в России несравненно выше своего внутреннего достоинства. Все жалуются на правительство, что оно, имея действительно способ доставить нам все нужное для размена количество медной монеты, позволяет меновщикам грабить людей. Торгуют даже и мелкими ассигнациями — неужели советникам Банка трудно их подписывать, или жаль бумаги?

Я развертывал книги о государственном хозяйстве, слыхал, как люди ученые судят о нынешнем хозяйственном состоянии России, и замечал более слов, нежели мыслей, более мудрований, нежели ясных понятий. Зло не так велико, как думают. Все дорого, правда, но, с умножением расходов, не прибавились

ли и доходы? Владелец, имеющий деревни на пашне, или фабрики, но терпит от дороговизны, купцы также. Господин оброчных крестьян терпит более, или менее; денежные капиталисты и люди, живущие жалованьем, более всех теряют. Сравнивая выгоды и невыгоды, вижу, что нынешняя дороговизна есть вообще зло, а как она произошла от умножения ассигнаций, то надобно ли уменьшить их количество?

«Надобно» — думает правительство и взяло меры учредить Заемный банк и продает казенные имения... Желательно, чтоб сие намерение не совсем исполнилось, — иначе явится другое зло, которое в течение минувшего лета едва ли кто-нибудь мог предвидеть.

Цены на вещи возвышались не только по соразмерности прибавляемых ассигнаций, но и по вероятностям их будущего выпуска, также вследствие новых податей и низкого курса. Дороговизна ежедневно возрастала. В пятницу хотели взять за товар более, нежели в четверг, в субботу — более, нежели в пятницу, следуя иногда привычке и вкусу слепого корыстолюбия. Уже не действует сила, приведшая в действие шар, но шар еще катится... Верят — и не верят, чтобы казна перестала издавать новые ассигнации. Наконец, открывается нечаянность: большая нужда в деньгах, т.е. в ассигнациях! Купцы в Москве с изумлением спрашивают друг у друга, куда они девались, и предлагают заимодавцам три процента на месяц. Ассигнаций не убыло, но, по дороговизне, делается мало, т.е. излишне высокие цены в последнее время вышли из соразмерности с суммою оных. Напр[имер], купец имел прежде 10 000 р. в капитале, — ныне имеет 15 т[ысяч], но как цена покупаемого им товара удвоилась, то он, чтобы не уменьшить своей торговли, должен призанять 5 т[ысяч] рублей.

Если казна, посредством Банка и продажи имений, вынет теперь из обращения миллионов 200, увидим страшный недостаток в деньгах: винные откупщики разорятся; крестьяне не заплатят оброку господину; купцы не купят, или не продадут товара; найдется недоимка в казенных сборах. Не думайте, чтобы вдруг оказалась дешевизна, — нет! Первые продавцы нескоро уступят Вам вещь за половину ее бывшей цены, но сделается остановка в торговле и в платежах. Неудовольствиям, жалобам не будет конца, и многие скажутся банкротами прежде, нежели установится новый порядок в оценке вещей, соразмерный с количеством денег в государстве. Великие переломы опасны. Вдруг уменьшить количество бумажек так же вредно, как и вдруг умножить оное. Что же делать? Не выпускать их более!.. Сего довольно: цены спадут без сомнения, ибо возвысились несоразмерно с прибавлением ассигнаций, как мы сказали; но спадут постепенно, без кризиса, если Россия не будет иметь каких-нибудь несчастий.

Вторая мысль Заемного банка, или так называемого П о г а ш е н и я д о л г о в, есть унизить серебро обещанием уплатить чрез несколько лет рубль сим металлом за два бумажные. Если бы внести в сей Банк миллионов 200, то правительство нашлось бы в крайнем затруднении по истечении срока, — нелегко приготовить 100 миллионов серебром для расплаты! К счастию, взнос невелик, ибо у нас нет праздных капиталов, но достохвально ли учреждение, коему, для государственного блага, нельзя желать успеха? Автор, кажется, полагал, что в течение 6 лет рубль серебряный унизится, напр[имер], до 150 к[опеек] ассигнациями, и что заимодавцы с радостью возьмут всю сумму бумажками... Хорошо, а если того не будет? Заметим, что цена серебра возвысилась у нас гораздо более иных цен. Куль муки за 4 года пред сим стоил

в Москве серебром 4,5 р., а теперь стоит менее 2,5. Возьмите в пример и другие российские произведения: за все платите серебром почти вдвое менее прежнего — виною то, что умножился расход оного для содержания заграничных армий и для тайной покупки иноземных товаров. Хотите ли уронить цену серебра? Не вымениваете его для армий, уймите запрещенную торговлю, которая вся производится на звонкую монету; дайте нам более разменных денег, — или вы хотите невозможного. Теперь дороговизна благородных металлов убыточна не для народа, а для казны и богатых людей, имеющих нужду в иноземных товарах, коих цена возвышается по цене серебра. У нас ходит оно только в столицах, в городах пограничных, в приморских, — внутри России не видят и не спрашивают его, в противность сказанному в Манифесте, что единственная российская банковая монета есть рубль серебряный. Нет, серебро у нас — товар, а не деньги?

Для внешней законной торговли также не требуется металлов. Англичанину нет нужды, какие ходят у нас деньги, — медные ли, золотые или бумажные; если он за лоскуток бумаги получает у нас вещь, за которую сходно ему дать свою вещь, ценою в гинею, то английская гинея будет равняться в курсе с российской бумажкой, ибо торговля государств основана в самом деле на мене вещей. Не существенная, но торговая цена монет определяет курс. Напр[имер], наш рубль уменьшился бы в количестве своего металла, но, если за него дают в России столько же вещей, как и прежде, то сия убавка в существенной цене рубля не имеет влияния на курс, буде нет иной причины к упадку оного. Но если деньги нам нужнее в чужих землях, нежели иностранцам — российские, если более выпускаем, нежели впускаем товаров, то курс наш упадет. Сии причины изъясняют, каким образом рубль мог обратиться в 18 су или 8 штиверов! Кроме умень-

шения цены бумажек внутри государства и несоразмерности ввоза с вывозом товаров, страх, чтобы первые еще более не унизились, заставил многих купцов иностранных, имевших у нас денежные капиталы, переводить оные в Англию или в другие места.

Правительство наше крайне заботится о лучшем курсе, но хочет невозможного. Пока не восстановится свободная морская торговля, дотоле не будет равновесия в привозе и выпуске товаров, не будет иностранцам нужды в русских деньгах для закупки большого количества наших произведений. Новым Манифестом о тарифе[133] мы позволяем все вывозить, а многое для ввоза запрещаем; но много ли кораблей найдем для первого? Здесь видим новую неудобность. Позволяют, например, выпуск шерсти, т.е. сводят иностранных купцов с нашими, — бой весьма неравный: иностранцу выгодно дать за пуд ее 2 червонца, как и прежде: тогда червонец стоил $3^1/2$, а теперь он стоит 12 р., — следственно, и мы, имея в шерсти необходимую надобность для делания сукон, будем давать за пуд 25 р. — гораздо более, нежели втрое, в сравнении с прежнею ценою, и почти вдвое, в сравнении с нынешнею! Теперь спрашиваем: намерено ли правительство возвысить цену солдатских сукон в России, что должно быть неминуемым следствием вывоза шерсти? Если бы курс упал только соразмерно с уменьшением цены бумажек в России, то мы могли бы без убытка купечествовать с Европою и торговаться в цене наших собственных произведений. Но теперь французы, голландцы, немцы имеют слишком много выгод перед нами и могут в совместном торге разорить покупщиков русских. Сошлемся на хитрых англичан: для общей пользы желая у себя дешевизны некоторых вещей, они запрещают их вывоз. Отпуск шерсти может ли приметно улучшить курс? Но весьма приметно возвысит цену ее в России. Давно ли правительство

употребляло самые несправедливые средства, чтоб иметь дешево сукна для войска? На вольные фабрики налагали оброк, давали хозяину самую малую цену, подчиняли его закону насилия, — теперь вдруг казна подчиняет себе необходимость платить вдвое за сукна!

Мысль ограничить ввоз товаров, по малому выходу наших, весьма благоразумная. Я не стал бы жаловаться на правительство, если бы оно, вместе с сукнами, шелковыми и бумажными тканями, запретило и алмазы, табак, голландские сельди, соленые лимоны и проч. Жалею только, что в Манифесте не назначен срок для продажи запрещенных товаров: под видом старых увидим в лавках и вновь привозимые — разумеется, тайно. Не будет клейма — и фальшивые? А кто из покупщиков смотрит на клеймо? Вообще надобно взять строжайшие меры против тайной торговли: она уносит миллионы. Все говорят об ней, но у знатных таможенных чиновников уши завешены золотом! Другое зло то, что лавочники, не ограниченные сроком для продажи, день ото дня возвышают цену запрещенных сукон и тканей, а мы все покупаем, пока есть товар. Не надобно давать пищи столь алчному и бессовестному корыстолюбию!

Впрочем, строгость начальства и верность таможни сделали бы нечто в пользу нашего курса, но немногое: он бывает полезен единственно для такой земли, которая более продает, нежели покупает, сверх того, имеет безопасное существование государственное, не боится ничего извне и внутри, управляется духом твердого порядка, не знает опасных перемен, не ждет ежеминутно указов о новых мерах государственного хозяйства, не ждет новых толкований на ассигнации, новых доказательств, что они не суть деньги. Надобно не только отворить наши гавани для всех кораблей на свете — надобно еще, чтобы иностранцы захотели переводить к нам капиталы, менять свои гинеи и

червонцы на русские ассигнации и не считали бы оных подозрительными векселями.

Оставляя предмет государственных доходов, ассигнаций и торговли, упомяну о Манифесте, который, думаю, вышел в 1806 году и в коем определяются права купеческих степеней; он назван Коренным уставом[134], долженствовал быть написан золотыми буквами на хартии и положен в хранилище законов на память векам. Не говорю о слоге, не говорю о порядке мыслей, но страннее всего, что законодатель, описав и права, и выгоды каждой степени, отлагает до другого времени предложить обязанности, или условия, на коих сии права даны будут купечеству, а только издали стращает их возвышением купеческих полатей. На что же обнародовали сей Манифест, когда еще не время было сказать, чего потребуется от желающих иметь описанные в оном выгоды? Трудно угадать, а меланхолики говорили: «Не трудно — хотят беспокоить все состояния! Еще не выдумали налога, — спешат предвестить его и, в утешение, обещают право носить саблю!»... Но теперь у нас есть Совет, где рассматриваются проекты общих государственных постановлений. Ожидаем впредь более зрелости в мыслях законодательных.

Скоро увидим, как основательна сия надежда! Книги общего гражданского законодательства готовятся для России.

Уже царь Федор Алексеевич[135] видел недостаток Уложения[136], — вышли новые статьи в прибавление. Петр Великий, все обнимая, хотел полной книги законов и собственною рукою написал о том Указ Сенату, желая, чтобы правила оных были утверждены по основательном рассмотрении всех наших и чужестранных Гражданских уставов. Екатерина Первая несколько раз побуждала Сенат заниматься сим важным делом. Петр II указал из каждой губернии прислать

для оного в Москву по нескольку выборных дворян, знающих, благомысленных. Императрица Анна присоединила к ним и выборных из купечества, но граф Остерман в наставлении Правительнице говорит: «Уже более 20 лет трудятся при Сенате над сочинением книги законов, а едва ли будет успех, если не составят особенной для того комиссии из двух особ духовных, пяти или шести дворян, граждан и некоторых искусных законоведцев...». Прошло и царствование Елизаветы, миновал и блестящий век Екатерины II, а мы еще не имели Уложения, несмотря на добрую волю правительства, на учреждение в 1754 г. особенностей Законодательной комиссии, на план Уложения, представленный ею Сенату[137], несмотря на шумное собрание депутатов в Москве, на красноречивый Наказ Екатерины II, испещренный выписками из Монтескье и Беккари[138]. Чего не доставало? Способных людей!.. Были ли они в России? По крайней мере, их не находили, может быть, худо искали!

Александр, ревностный исполнить то, чего все монархи российские желали, образовал новую Комиссию[139]: набрали многих секретарей, редакторов, помощников, не сыскали только одного и самого необходимейшего человека, способного быть ее душою, изобрести лучший план, лучшие средства и привести оные в исполнение наилучшим образом. Более года мы ничего не слыхали о трудах сей Комиссии. Наконец, государь спросил у председателя и получил в ответ, что медленность необходима, — что Россия имела дотоле одни указы, а не законы, что велено переводить Кодекс Фридриха Великого[140]. Сей ответ не давал большой надежды. Успех вещи зависит от ясного, истинного о ней понятия. Как? У нас нет законов, но только указы? Разве указы (edicta) не законы?.. И Россия не Пруссия: к чему послужит нам перевод Фридрихова Кодекса? Не худо знать его, но

менее ли нужно знать и Юстинианов[141] или датский единственно для общих соображений, а не для путеводительства в нашем особенном законодательстве! Мы ждали года два. Начальник переменился[142], выходит целый том работы предварительной, — смотрим и протираем себе глаза, ослепленные школьною пылью. Множество ученых слов и фраз, почерпнутых в книгах, ни одной мысли, почерпнутой в созерцании особенного гражданского характера России... Добрые соотечественники наши не могли ничего понять, кроме того, что голова авторов в Луне, а не в Земле Русской, — и желали, чтобы сии умозрители или спустились к нам или не писали для нас законов. Опять новая декорация: видим законодательство в другой руке! Обещают скорый конец плаванию и верную пристань. Уже в Манифесте объявлено, что первая часть законов готова, что немедленно готовы будут и следующие. В самом деле, издаются две книжки под именем п р о е к т а У л о ж е н и я[143]. Что ж находим?.. Перевод Наполеонова Кодекса[144]!

Какое изумление для россиян! Какая пища для злословия! Благодаря Всевышнего, мы еще не подпали железному скипетру сего завоевателя, — у нас еще не Вестфалия, не Итальянское Королевство, не Варшавское Герцогство, где Кодекс Наполеонов, со слезами переведенный, служит Уставом гражданским. Для того ли существует Россия, как сильное государство, около тысячи лет? Для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного Уложения, чтобы торжественно пред лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже 6-ю или 7[-ю] экс-адвокатами и экс-якобинцами? Петр Великий любил иностранное, однако же не велел, без всяких дальних околичностей, взять, напр[имер], шведские законы и на-

звать их русскими, ибо ведал, что законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств. Мы имели бы уже 9 Уложений, если бы надлежало только переводить. Правда, благоразумные авторы сего проекта иногда чувствуют невозможность писать для россиян то, что писано во французском подлиннике, и, дошедши в переводе до главы о супружестве, о разводе, обращаются от Наполеона к Кормчей книге[145]; но везде видно, что они шьют нам кафтан по чужой мерке. Кстати ли начинать, напр[имер], русское Уложение главою о правах гражданских, коих, в истинном смысле, не бывало и нет в России? У нас только политические или особенные права разных государственных состояний; у нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч. — все они имеют свои особенные права, — общего нет, кроме названия русских. В Наполеоновском Кодексе читаю: «Participation aux droits civils ci-après»[146], а далее говорит законодатель о праве собственности, наследства, завещания, — вот, гражданские права во Франции; но в России господский и самый казенный земледелец имеет ли оные, хотя и называется русским? Здесь мы только переводим, и в иных местах неясно; например, в подлинном сказано о человеке, лишенном прав гражданских: «Il ne peut procéder en Justice, ni en défendant, ni en demandant»[147], а в переводе — что он не может быть в суде ни истцом, ни ответчиком: следственно, прибьет Вас, ограбит — и за то не ответствует?.. Переводчики многое сокращают: они могли бы выпустить и следующие постановления, ими сохраненные в описании движимого и недвижимого имения: «Les glaces d'un appartement

sont censées mises à perpetuelle demeure, lorsque le parquet sur lequel elles sont attachées fait corps avec boiserie... Quant aux statues, elles sont immeubles, lorsqu'elles sont placées dans une niche practiquée exprês pour les recevoir, encore qu'elles puissent être enlevées sans fracture, ni detérioration»[148]. Могли бы также не говорить об Alluvion[149]. От начала России еще не бывало у нас тяжбы о сих предметах, и никто из русских, читая сей проект, не догадался бы, что он читает наше Гражданское уложение, если бы не стояло того в заглавии: все нерусское, все не по-русски, как вещи, так и предложение оных: кто поймет, для чего, при нашем учреждении опек, быть семейственному совету? Но в сем отделении французского Кодекса говорится о conseil de Famille[150]. Кто поймет сию краткость в важном, где не надобно жалеть слов для ясности, и сию плодовитость в описании случаев, совсем для нас неизвестных. Я слышал мнение людей неглупых: они думают, что в сих двух изданных книжках предполагается только содержание будущего Кодекса, с означением некоторых мыслей. Я не хотел выводить их из заблуждения и доказывать, что это — самый Кодекс: они не скоро бы мне поверили. Так сия наполеоновская форма законов чужда для понятия русских. Есть даже вещи смешные в проекте, напр[имер]: «Младенец, рожденный мертвым, не наследует». Если законодатель будет говорить подобные истины, то наполнит оными сто, тысячу книг. Я искал сей аксиомы в Code Napoléon, и вместо нее нашел «celui là n'est pas encore constitué enfant, que n'est pas né viable»[151]. Здесь переводчики делаются авторами. Не привязываюсь к новым словам, однако ж скажу, что в книге законов странно писать о л о ж е р е к и (le lit de la

rivière) вместо ж е л о б о в и н ы, р у с л а. Самая выписка из наших церковных Уставов о позволенных браках и разводах сделана наскоро, — напр[имер], забыта главная вина развода: неспособность к телесному совокуплению. Вижу крайний страх авторов предлагать отмены в делах духовных; но в Уложении надлежало бы, по крайней мере, сказать, что епископы в своих епархиях могут, по усмотрению, дозволять браки, сомнительные свойство́м жениха с невестою, — иначе в небольших деревнях скоро нельзя будет никому жениться от размножения свойства́. Хвалю закон о разделе имения между братьями и сестрами, детьми и родителями, уже давно предполагаемый общим мнением. Не знаю, можно ли, сверх того, похвалить что-нибудь в сем проекте.

Оставляя все другое, спросим: время ли теперь предлагать россиянам законы французские, хотя бы оные и могли быть удобно применены к нашему гражданственному состоянию? Мы все, все любящие Россию, государя, ее славу, благоденствие, так ненавидим сей народ, обагренный кровью Европы, осыпанный прахом столь многих держав разрушенных, и, в то время, когда имя Наполеона приводит сердца в содрогание, мы положим его Кодекс на святой алтарь Отечества?

Для старого народа не надобно новых законов: согласно со здравым смыслом, требуем от Комиссии систематического предложения наших. Русская Правда и Судебник, отжив век свой, существуют единственно, как предмет любопытства. Хотя Уложение царя Алексея Михайловича имеет еще силу закона, но сколько и в нем обветшалого, уже для нас бессмысленного, непригодного? Остаются указы и постановления, изданные от времен царя Алексея до наших: вот — содержание Кодекса! Должно распорядить материалы,

отнести уголовное к уголовному, гражданское к гражданскому, и сии две главные части разделить на статьи. Когда же всякий Указ будет подведен под свою статью, тогда начнется второе действие: соединение однородных частей в целое, или соглашение указов, для коего востребуется иное объяснить, иное отменить или прибавить, буде опыта судилищ доказывают или противоречие, или недостаток в существующих законах. Третье действие есть общая критика законов: суть ли они лучшие для нас по нынешнему гражданскому состоянию России? Здесь увидим необходимость исправить некоторые, в особенности, уголовные, жестокие, варварские: их уже давно не исполняют — для чего же они существуют к стыду нашего законодательства?

Таким образом собранные, приведенные в порядок, дополненные, исправленные законы предложите в форме книги систематически, с объяснением причин; не только описывайте случаи, но и все другие возможные решите общими правилами, без коих нет полных законов и которые дают им высочайшую степень совершенства. Сих-то правил недостает в Уложении царя Алексея и во многих указах. Говорят: «Если будет такой случай, решите так». А если встретится другой, не описанный законодателем?.. Надобно идти в доклад! Не умствуйте высокопарно, но рассуждайте, чтоб просветить судью, — лучше, удобнее впечатлеть ему в память простые начала, нежели многообразные следствия оных. Русское право так же имеет свои начала, как и римское, — определите их, и вы дадите нам систему законов. Сие последнее действие законодательства назову систематическим предложением. О порядке материй спорить много не буду: начнете ли с гражданских или уголовных законов, с людей, или с вещей, с рассуж-

дения или предписаний... Но думаю, что лучше начать с важнейшего и последовать не Кодексу Наполеонову, не Фридрихову, а Юстинианову и царя Алексея Михайловича. Оградите святынею закона неприкосновенность церкви, государя, чиновников и личную безопасность всех россиян; утвердите связи гражданские между нами, потом займитесь целостию собственности, наследствами, куплею, завещаниями, залогами и проч.; наконец, дайте устав для производства дел.

Сей труд велик, но он такого свойства, что его нельзя поручить многим. Один человек должен быть главным, истинным творцом Уложения Российского; другие могут служить ему только советниками, помощниками, работниками... Здесь единство мысли необходимо для совершенства частей и целого; единство воли необходимо для успеха. Или мы найдем такого человека, или долго будем ждать Кодекса!

Есть и другой способ. Мы говорили доселе о систематическом законодательстве: когда у нас нет людей способных для оного, то умерьте свои требования, и вы сделаете еще немалую пользу России. Вместо прагматического Кодекса издайте полную сводную книгу российских законов или указов по всем частям судным, согласив противоречия и заменив лишнее нужным, чтобы судьи по одному случаю не ссылались и на Уложение царя Алексея Михайловича, и на Морской устав[152], и на 20 указов, из коих иные в самом Сенате не без труда отыскиваются. Для сей сводной книги не требуется великих усилий разума, ни гения, ни отличных знаний ученых. Не будем хвалиться ею в Европе, но облегчим способы правосудия в России, не затрудним судей наших галлицизмом и не покажемся жалкими иностранцам, что, без сомнения, заслужим переводом Наполеонова Кодекса.

Прибавим одну мысль к сказанному нами о российском законодательстве. Государство наше состоит

из разных народов, имеющих свои особенные Гражданские уставы, как Ливония, Финляндия, Польша, самая Малороссия. Должно ли необходимо ввести единство законов?.. Должно, если такая перемена не будет существенным, долговременным бедствием для сих областей — в противном случае, не должно. Всего лучше готовить оную издали, средствами предварительными, без насилия и действуя на мягкий ум юношества. Пусть молодые люди, хотящие там посвятить себя законоведению, испытываются в знании и общих законов российских, особенно языка нашего; вот — самое лучшее приготовление к желаемому единству в Гражданских уставах! Впрочем, надобно исследовать основательно, для чего, напр[имер], Ливония или Финляндия имеют такой-то особенный закон? Причина, родившая оный, существует ли и согласна ли с государственным благом? Буде существует и согласна, то можно ли заменить ее действия иным способом? От новости не потерпят ли нравы, не ослабеют ли связи между разными гражданскими состояниями той земли?.. «Какая нужда, — говорит Монтескье, — одним ли законам следуют граждане, если они верно следуют оным?»[153] Фридрих Великий, издавая общее Уложение, не хотел уничтожить всех частных статутов, полезных в особенности для некоторых провинций. Опасайтесь внушения умов легких, которые думают, что надобно только велеть — и все сравняется!

Мы означили главные действия нынешнего правительства и неудачу их. Если прибавим к сему частные ошибки министров в мерах государственного блага: постановление о соли, о суконных фабриках, о прогоне скота, — имевшие столь много вредных следствий — всеобщее бесстрашие, основанное на мнении о кротости государя, равнодушие местных начальников ко всяким злоупотреблениям, грабеж в

судах, наглое взяткобрательство капитан-исправников[154], председателей палатских, вице-губернаторов, а всего более самих губернаторов, наконец, беспокойные виды будущего, внешние опасности, — то удивительно ли, что общее мнение столь не благоприятствует правительству? Не будем скрывать зла, не будем обманывать себя и государя, не будем твердить, что люди, обыкновенно, любят жаловаться и всегда недовольны настоящим, — сии жалобы разительны их согласием и действием на расположение умов в целом государстве.

Я совсем не меланхолик, и не думаю подобно тем, которые, видя слабость правительства, ждут скорого разрушения, — нет! Государства живущи и в особенности Россия, движимая самодержавною властью! Если не придут к нам беды извне, то еще смело можем и долгое время заблуждаться в нашей внутренней государственной системе! Вижу еще обширное поле для всяких новых творений самолюбивого, неопытного ума, но не печальна ли сия возможность? Надобно ли изнурять силы для того, что их еще довольно в запасе? Самым худым медикам нелегко уморить человека крепкого сложения, только всякое лекарство, данное некстати, делает вред существенный и сокращает жизнь.

Мы говорили о вреде, говорить ли о средствах целебных? И какие можем предложить? — самые простейшие!

Минувшего не возвратить. Было время (о чем мы сказали в начале), когда Александр мог бы легко возобновить систему Екатеринина царствования, еще живого в памяти и в сердцах, по ней образованных: бурное царствование Павлово изгладилось бы, как сновидение в мыслях. Теперь поздно — люди и вещи, большею частью, переменились; сделано столько нового, что и старое показалось бы нам теперь опасною

4 Заказ 2389

новостью: мы уже от него отвыкли, и, для славы государя, вредно с торжественностью признаваться в десятилетних заблуждениях, произведенных самолюбием его весьма неглубокомысленных советников, которые хотели своею творческою мудростью затмить жену Екатерину и превзойти мужа Петра. Дело сделано: надобно искать средств, пригоднейших к настоящему.

Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности: от того — изобретение различных министерств, учреждение Совета и проч. Дела не лучше производятся — только в местах и чиновниками другого названия. Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны. Пусть министерства и Совет существуют: они будут полезны, если в министерстве и в Совете увидим только мужей, знаменитых разумом и честью. Итак, первое наше доброе желание есть, да способствует Бог Александру в счастливом избрании людей! Такое избрание, а не учреждение Сената с коллегиями ознаменовало величием царствование Петра во внутренних делах империи. Сей монарх имел страсть к способным людям, искал их в кельях монастырских и в темных каютах: там нашел Феофана и Остермана, славных в нашей государственной истории. Обстоятельства иные и скромные, тихие свойства души отличают Александра от Петра, который везде был сам, со всеми говорил, всех слушал и брал на себя по одному слову, по одному взору решить достоинство человека; но да будет то же правило: и с к а т ь л ю д е й! Кто имеет доверенность Государя, да замечает их вдали для самых первых мест. Не только в республиках, но и в монархиях кандидаты должны быть назначены единственно по способностям. Всемогущая рука единовластителя одного ведет, другого мчит на высоту; мед-

ленная постепенность есть закон для множества, а не для всех. Кто имеет ум министра, не должен поседеть в столоначальниках или секретарях. Чины унижаются не скорым их приобретением, но глупостью или бесчестием сановников; возбуждается зависть, но скоро умолкает пред лицом достойного. Вы не образуете полезного министерства сочинением Наказа, — тогда образуете, когда приготовите хороших министров. Совет рассматривает их предложение, но уверены ли вы в мудрости его членов? Общая мудрость рождается только от частной. Одним словом, теперь всего нужнее люди!

Но люди не только для министерства, или Сената, но и в особенности для мест губернаторских. Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых губерниями; если там пойдут дела, как должно, то министры и Совет могут отдыхать на лаврах; а дела пойдут, как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа. Если губернаторы не умеют или не хотят делать того, — виною худое избрание лиц; если не имеют способа, — виною худое образование губернских властей. 1) Каковы ныне, большею частью, губернаторы? Люди без способностей и дают всякою неправдою наживаться секретарям своим — или без совести и сами наживаются. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что такой-то губернии начальник — глупец и весьма давно! в такой-то — грабитель, и весьма давно!.. Слухом земля полнится, а министры не знают того, или знать не хотят! К чему же служат ваши новые министерские образования? К чему писать за-

коны, разве для потомства? Не бумаги, а люди правят. 2) Прежде начальник губернии знал над собою один Сенат; теперь, кроме Сената, должен относится к разным министерствам! Сколько хлопот и письма!.. А всего хуже то, что многие части в составе губерний не принадлежат к его ведомству: школы, удельные имения, казенные леса, дороги, воды, почта — сколько пестроты и многочисленности!.. Выходит, что губерния имеет не начальника, а начальников, из коих один в Петербурге, другие в Москве... Система правления весьма не согласная с нашею старинною, истинно-монархическою, которая соединяла власти в наместнике для единства и силы в их действиях. Всякая губерния есть Россия в малом виде; мы хотим, чтобы государство управлялось единою, а каждая из частей оного — разными властями; страшимся злоупотреблений в общей власти, но частная разве не имеет их? Как в большом доме не может быть исправности без домоправителя, дающего во всем отчет господину, так не будет совершенно порядка и в губерниях, пока столь многие чиновники действуют независимо от губернаторов, ответствующих государю за спокойствие государства и, гораздо более, всех живущих в Петербурге министров, членов Совета, сенаторов. Одна сия мысль не убеждает ли в необходимости возвысить сан губернаторский всеобщим уважением? Да будет губернатор, что были наместники при Екатерине! Дайте им достоинство сенаторов, согласите оное со отношениями их к министрам, которые в самом деле долженствуют быть единственно секретарями государя по разным частям, и тогда умейте только избирать людей!

Вот главное правило. Второе, не менее существенное, есть: у м е й т е о б х о д и т ь с я с л ю д ь м и! Мало ангелов на свете, не так много и злодеев, гораздо более смеси, т.е. добрых и худых

вместе. Мудрое правление находит способ усиливать в чиновниках побуждение добра или обуздывает стремление ко злу. Для первого есть награды, отличия, для второго — боязнь наказаний. Кто знает человеческое сердце, состав и движение гражданских обществ, тот не усомнится в истине сказанного Макиавелли, что страх гораздо действительнее, гораздо обыкновеннее всех иных побуждений для смертных[155]. Если вы, путешествуя, увидите землю, где все тихо и стройно, народ доволен, слабый не утеснен, невинный безопасен, — то скажете смело, что в ней преступления не остаются без наказания. Сколько агнцев обратилось бы в тигров, если бы не было страха! Любить добро для его собственных прелестей есть действие высшей нравственности — явления, редкого в мире: иначе не посвящали бы алтарей добродетели. Обыкновенные же люди соблюдают правила честности, не столько в надежде приобрести тем особенные некоторые выгоды, сколько опасаясь вреда, сопряженного с явным нарушением сих правил. Одно из важнейших государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит! Доносят плуты — честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяткобратель и взяткодатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей — и дают им чины, ленты, в ожидании, чтобы кто на них подал жалобу. А сии недостойные чиновники, в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге, беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, коего они условно лишились. В два или три года наживают по нескольку сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни! Иногда видим, что государь, вопреки своей кротости, бывает расположен и к строгим мерам: он выгнал из

службы двух или трех сенаторов и несколько других чиновников, оглашенных мздоимцами; но сии малочисленные примеры ответствуют ли бесчисленности нынешних мздоимцев? Негодяй так рассуждает: «Брат мой N.N. наказан отставкою; но собратья мои, такие-то, процветают в благоденствии: один многим не указ, а если меня и выгонят из службы, то с богатым запасом на черный день, — еще найду немало утешений в жизни!» Строгость, без сомнения, неприятна для сердца чувствительного, но где она необходима для порядка, там кротость не у места. Как живописцы изображают монарха? Воином и с мечом в руке — не пастушком и не с цветами!.. В России не будет правосудия, если государь, поручив оное судилищам, не будет смотреть за судьями. У нас не Англия; мы столько веков видели судью в монархе и добрую волю его признавали вышним уставом. Сирены могут петь в круге трона: «Александр, воцари закон в России... и пр[оч].»... Я возьмусь быть толкователем сего хора: «Александр! Дай нам, именем закона, господствовать над Россией, а сам покойся на троне, изливай единственно милости, давай нам чины, ленты, деньги!»... В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не боятся государя — не боятся и закона! В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола, — так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести. Чего Александр не сведает, если захочет ведать? И да накажет преступника! Да накажет и тех, которые возводят его на степень знаменитую! Да ответствует министр, по крайней мере, за избрание главных чиновников! Спасительный страх должен иметь ветви; где десять за одного боятся, там десять смотрят за одним...

Начинайте всегда с головы: если худы капитан-исправники — виновны губернаторы, виновны министры!.. Не сему правилу следовали те, которые дали государю совет обесчестить снятием мундира всех комиссариатских и провиантских чиновников, кроме начальников[156]. Равные не могут ответствовать друг за друга; если они все причиною бедствий армии, то мало лишить их мундира; если еще не доказаны виноватые, то надобно подождать, а казнь виновного вместе с правым отнимает стыд у казни. Малейшее наказание, но бесполезное, ближе к тиранству, нежели самое жестокое, коего основанием есть справедливость, а целью — общее добро. Ненавидят тирана, но мягкосердие тогда есть добродетель в венценосце, когда он умеет превозмогать оное долгом благоразумной строгости. Единственно в своих личных, тайных оскорблениях государь может прощать достохвально, а не в общественных; когда же вредно часто прощать, то еще вреднее терпеть, — в первом случае винят слабость, во втором — беспечность или непроницание. Мы упомянули о личных оскорблениях для монарха. Они редко бывают без связи со вредом государственным. Так, напр[имер], не должно позволять, чтоб кто-нибудь в России смел торжественно представлять лицо недовольного или не уважать монарха, коего священная особа есть образ отечества. Дайте волю людям — они засыплют Вас пылью! Скажите им слово на ухо — они лежат у ног Ваших!

Говорив о необходимости страха для удержания нас от зла, скажем нечто о наградах: они благодетельны своею умеренностью, — в противном же случае делаются или бесполезны, или вредны. Я вижу всех генералов, осыпанных звездами, и спрашиваю: «Сколько побед мы одержали? Сколько царств завоевали?..» Ныне дают голубую ленту — завтра лишают начальства!.. Сей, некогда лестный, крест Св. Георгия висит

на знаменитом ли витязе? Нет, на малодушном и презренном в целой армии! Кого же украсит теперь Св. Георгий? Если в царствование Павла чины и ленты упали в достоинстве, то в Александрово, по крайней мере, не возвысились, чего следствием было и есть — требовать иных наград от государя, денежных, ко вреду казны и народа, ко вреду самых государственных добродетелей. О бережливости говорили мы в другом месте. Здесь напомним две аксиомы: 1) за деньги не делается ничего великого; 2) изобилие располагает человека к праздной неге, противной всему великому. Россия никогда не славилась богатством — у нас служили по должности, из чести, из куска хлеба, не более! Ныне не только воинские, но и гражданские чиновники хотят жить большим домом на счет государства. И какая пестрота: люди в одном чине имеют столь различные жалованья, что одному нечего есть, а другой может давать лакомые обеды; ибо первый служит по старым, а второй по новым штатам, — первый в Сенате, в губернии, а второй — у министра в канцелярии, или где-нибудь в новом месте. Не думают о бедных офицерах, удовлетворяя корыстолюбие генералов арендами и пенсиями. Ставят в пример французов — для чего же не русских времени Петрова или Екатеринина?.. Но и французские генералы всего более недовольны Наполеоном за то, что он, дав им богатство, отнимает у них досуг и способ наслаждаться оным. Честь, честь должна быть главною наградою! Римляне с дубовыми венками завоевали мир. Люди в главных свойствах не изменились; соедините с каким-нибудь знаком понятие о превосходной добродетели, т.е. награждайте им людей единственно превосходных, — и вы увидите, что все будут желать оного, несмотря на его ничтожную денежную цену!.. Слава Богу, мы еще имеем честолюбие, еще слезы катятся из глаз наших при

мысли о бедствиях России; в самом множестве недовольных, в самых нескромных жалобах на правительство вы слышите нередко голос благодарной любви к отечеству. Есть люди, умейте только обуздать их в зле и поощрять к добру благоразумною системою наказаний и наград! Но, повторим, первое еще важнее.

Сие искусство избирать людей и обходиться с ними есть первое для государя российского; без сего искусства тщетно будете искать народного блага в новых органических уставах!.. Не спрашивайте: как писаны законы в государстве? сколько министров? есть ли Верховный Совет? Но спрашивайте: каковы судьи? каковы властители?.. Фразы — для газет, только правила — для государства.

В дополнение сказанного нами, прибавим некоторые особенные замечания.

Самодержавие есть палладиум[157] России; целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия. Оно было всегда не что иное, как братство знаменитых слуг великокняжеских или царских. Худо, ежели слуги овладеют слабым господином, но благоразумный господин уважает отборных слуг своих и красится их честью. Права благородных суть не отдел монаршей власти, но ее главное, необходимое орудие, двигающее состав государственный. Монтескье сказал: «point de Monarque — point de noblesse; point de noblesse — point de Monarque»[158]. Дворянство есть наследственное; порядок требует, чтобы некоторые люди воспитывались для отправления некоторых должностей и чтобы монарх знал, где ему искать деятельных слуг отечественной пользы. Народ работает, купцы торгуют, дворяне служат, награждаемые отличиями и выгодами, уважением и достатком. Личные подвижные чины не могут заменить дворянства

родового, постоянного, и, хотя необходимы для означения степеней государственной службы, однако ж в благополучной монархии не должны ослаблять коренных прав его, не должны иметь выгод оного. Надлежало бы не дворянству быть по чинам, но чинам по дворянству, т.е. для приобретения некоторых чинов надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у нас со времен Петра Великого не соблюдается: офицер уже есть дворянин. Не должно для превосходных дарований, возможных во всяком состоянии, заграждать пути к высшим степеням, — но пусть государь дает дворянство прежде чина и с некоторыми торжественными обрядами, вообще редко и с выбором строгим. Польза ощутительна: 1) Если часто будете выводить простолюдинов в министры, в вельможи, в генералы, то с знатностью приведется давать им и богатство, необходимое для ее сияния, — казна истощается... Напротив того, дворяне, имея наследственный достаток, могут и в высших чинах обойтись без казенных денежных пособий. 2) Оскорбляете дворянство, представляя ему людей низкого происхождения на ступенях трона, где мы издревле обыкли видеть бояр сановитых. Ни слова, буде сии люди ознаменованы способностями редкими, выспренными; но буде они весьма обыкновенны, то лучше, если бы сии высшие места занимались дворянами. 3) Природа дает ум и сердце, но воспитание образует их. Дворянин, облагодетельствованный судьбою, навыкает от самой колыбели уважать себя, любить Отечество и государя за выгоды своего рождения, пленяться знатностью — уделом его предков, и наградою личных будущих заслуг его. Сей образ мыслей и чувствований дает ему то благородство духа, которое, сверх иных намерений, было целью при учреждении наследственного дворянства, — преимущество важное, редко заменяемое естественными дарами простолюдина, который, в

самой знатности, боится презрения, обыкновенно не любит дворян и мыслит личною надменностью изгладить из памяти людей свое низкое происхождение. Добродетель редка. Ищите в свете более обыкновенных, нежели превосходных душ. Мнение не мое, но всех глубокомысленных политиков есть, что твердо основанные права благородства в монархии служат ей опорою. Итак, желаю, чтобы Александр имел правилом возвышать сан дворянства, коего блеск можно назвать отливом царского сияния, — возвышать не только государственными хартиями, но и сими, так сказать, невинными, легкими знаками внимания, столь действительными в самодержавии. Напр[имер], для чего императору не являться иногда в торжественных Собраниях дворянства в виде его главы, и не в мундире офицера гвардейского, а в дворянском?..[159] Сие произвело бы гораздо более действия, нежели письмо красноречивое и словесные уверения в монаршем внимании к обществу благородных; но ничем Александр не возвысил бы оного столь ощутительно, как законом принимать всякого дворянина в воинскую службу офицером, требуя единственно, чтобы он знал начала математики и русский язык с правильностью... Давайте жалованье только комплектным, — все благородные, согласно с пользою монархии, основанной на завоеваниях, возьмут тогда шпагу в руки вместо пера, коим ныне, без сомнения, ко вреду государственному и богатые, и небогатые дворяне вооружают детей своих в канцеляриях, в архивах, в судах, имея отвращение от солдатских казарм, где сии юноши, деля с рядовыми воинами и низкие труды, и низкие забавы, могли бы потерпеть и в здоровьи, и в нравственности. В самом деле, чего нужного для службы нельзя узнать офицером? Учиться же для дворянина гораздо приятнее в сем чине, нежели в унтер-офицерском. Армии наши обогатились бы молодыми, хорошо

воспитанными дворянами, тоскующими ныне в повытьях[160]. Гвардия осталась бы исключением — единственно в ней начинали бы мы служить с унтер-офицеров. Но и в гвардии надлежало бы отличать сержанта благородного от сына солдатского. Можно и должно смягчать суровость воинской службы там, где суровость не есть способ победы. Строгость в безделицах уменьшает охоту к делу. Занимайте, но не утомляйте воинов игрушками, или вахт-парадами. Действуйте на душу еще более, нежели на тело. Герои вахт-парада оказываются трусами на поле битвы; сколько знаем примеров! Офицеры Екатеринина века ходили иногда во фраках, но ходили смело и на приступы. Французы не педантствуют — и побеждают. Мы видели прусских героев!

Как дворянство, так и духовенство бывает полезно государству по мере общего к ним народного уважения. Не предлагаю восстановить Патриаршество, но желаю, чтоб Синод имел более важности в составе его и в действиях; чтобы в нем заседали, напр[имер], одни архиепископы; чтоб он, в случае новых коренных государственных постановлений, сходился вместе с Сенатом для выслушания, для принятия оных в свое хранилище законов и для обнародования, разумеется, без всякого противоречия. Ныне стараются о размножении духовных училищ, но будет еще похвальнее закон, чтобы 18-летних учеников не ставить в священники и никого без строгого испытания, — закон, чтобы иереи[161] более пеклись о нравственности прихожан, употребляя на то данные им от Синода благоразумные, действительные средства, о коих мыслил и государь Петр Великий. По характеру сих важных духовных сановников можете всегда судить о нравственном состоянии народа. Не довольно дать России хороших губернаторов — надобно дать и хороших

священников; без прочего обойдемся и не будем никому завидовать в Европе.

Дворянство и духовенство, Сенат и Синод как хранилище законов, над всеми — государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание российской монархии, которое может быть утверждено, или ослаблено правилами царствующих.

Державы, подобно людям, имеют определенный век свой: так мыслит философия, так вещает история. Благоразумная система в жизни продолжает век человека, — благоразумная система государственная продолжает век государств; кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкоконечного бедствия, но, благодаря Всевышнего, сердце мое им не верит, — вижу опасность, но еще не вижу погибели!

Еще Россия имеет 40 м[иллионов] жителей, и самодержавие имеет государя, ревностного к общему благу. Если он, как человек, ошибается, то, без сомнения, с добрым намерением, которое служит нам вероятностью будущего исправления ошибок.

Если Александр вообще будет осторожнее в новых государственных творениях, стараясь всего более утвердить существующие и думая более о людях, нежели о формах, ежели благоразумною строгостью обратит вельмож, чиновников к ревностному исполнению должностей; если заключит мир с Турцией и спасет Россию от третьей, весьма опасной, войны с Наполеоном, хотя бы и с утратою многих выгод так называемой чести, которая есть только роскошь сильных государств и не равняется с первым их благом, или с целостью бытия; если он, не умножая денег бумажных, мудрою бережливостью уменьшит расходы казны и найдет способ прибавить жалованья бедным чиновникам воинским и гражданским; если таможенные Уставы, верно наблюдаемые, приведут в сораз-

мерность ввоз и вывоз товаров; если — что в сем предположении будет необходимо — дороговизна мало-помалу уменьшится, то Россия благословит Александра, колебания утихнут, неудовольствия исчезнут, родятся нужные для государства привычки, ход вещей сделается правильным, постоянным; новое и старое сольются в одно, реже и реже будут вспоминать прошедшее, злословие не умолкнет, но лишится жала!.. Судьба Европы теперь не от нас зависит. Переменит ли Франция свою ужасную систему, или Бог переменит Францию, — неизвестно, но бури не вечны! Когда же увидим ясное небо над Европой и Александра, сидящего на троне ц е л о й России, тогда восхвалим Александрово счастье, коего он достоин своею редкою добротою!

Любя Отечество, любя монарха, я говорил искренно. Возвращаюсь к безмолвию верноподданного с сердцем чистым, моля Всевышнего, да блюдет царя и Царство Российское!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Гнездо племен, колыбель народов (*лат.*).

[2] Имеется в виду участие древних россиян в войнах, которые вела Византийская империя.

[3] Древнерусские князья, основатели и строители Русского государства.

[4] Ярослав Мудрый (ок. 978—1054) — великий князь Киевский. ...свиток законов гражданских — «Русская правда»; мнение Н. М. Карамзина о норманнском (здесь — немецком) происхождении «Русской правды» современная наука в общем и целом не разделяет.

[5] Владимир Святой (сер. X в.—1015) — великий князь Киевский; при нем было принято христианство на Руси.

[6] Вообще-то, строго говоря, Россия разделилась значительно позднее, а не в эпоху Владимира Святого и Ярослава Мудрого. При них Русь еще весьма крепкая единая держава (по меркам того времени, разумеется). Да и сама удельная система устанавливается у нас лишь в XIII—XV вв. (причем в наиболее чистом виде в Ростово-Суздальской земле).

[7] Владимир Мономах (1053—1125) — великий князь Киевский; на съезде русских князей в Любече (1097) выступил инициатором прекращения междоусобиц и объединения всех сил против половцев.

[8] Василько Ростиславович (сер. X в.—1124) — князь Теребовольский, правнук Ярослава Мудрого; был ослеплен в ходе феодальной усобицы; на съезде в Любече поддержал миротворчество Владимира Мономаха.

[9] Андрей Боголюбский (1111—1174) — великий князь Владимирский.

[10] Всеволод III Большое Гнездо (1154—1212) — великий князь Владимирский.

[11] Название это идет от имени местного вотчинника, боярина Степана Кучка (или Куцка).

[12] Узбек (ум. в 1342) — хан Золотой Орды с 1313 г.

[13] Н. М. Карамзин ввел понятия монархии «единодержавной» (здесь: «единовластной») и монархии «самодержавной». Единодержавие — политический строй с наличием удельной системы, где «монарх» — глава удельных князей. Самодержавие — политический строй, где уделы отсутствуют, монарх пользуется неограниченной властью. Следует также сказать, что в XV—XVI вв. под

самодержавием понимали политическую независимость государства. И лишь со времен Ивана Грозного самодержавие стало означать и неограниченную власть монарха. В данном случае Н.М. Карамзин, видимо, имеет в виду оба значения этого понятия.

14 Т ы с я ц к о й — в Древней Руси высший городской чиновник (военный и гражданский).

15 А х т у б а (изменен. татар. «Ак-тюбе», т.е. «белые холмы») — левый рукав Волги недалеко от Волгограда, здесь находилась столица Золотой Орды — Сарай.

16 П о т о м к и Р ю р и к о в ы (как и, далее, п о т о м к и В л а д и м и р о в ы) — представители великокняжеского (затем — царского) дома, правившего на Руси с 862 по 1598 г.

17 Имеется в виду Судебник 1497 г.; его появление связано с формированием централизованного государства, с потребностью иметь общерусское право.

18 П о л н о е У л о ж е н и е — Судебник 1550 г., сыграл большую роль в дальнейшей централизации государства; т о р г о в а я к а з н ь состояла в битье кнутом на торговой площади и часто влекла за собой смерть наказуемого. Впервые торговая казнь введена еще в Судебнике 1497 г. (ст.10) — за кражу; в Судебнике 1550 она встречается уже в шестнадцати статьях.

19 ... с б е р е г о в Г а н г е с а — т.е. Ганга.

20 Т и т л о с л у г и ц а р е в а — титул дворянина.

21 Речь идет об убийстве в 1591 г. в Угличе царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного.

22 Татарское происхождение Годунова — легенда. Годунов принадлежал к старинному костромскому роду, представители которого издавна служили боярами при московском дворе.

23 Версия об убийстве царевича Дмитрия по наущению Годунова ничем не доказана.

24 Лжедмитрий I (? —1606) — самозванец, авантюрист, выдававший себя за сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия. Русский царь в 1605—1606 гг., Лжедмитрий был обращен в католичество францисканскими монахами (а не иезуитами, как считал Н.М.Карамзин) в Польше (см., например: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960,кн. IV [т. 7—8], с. 405, 408).

25 Монахи-картезианцы, согласно уставу ордена, созданного во Франции в 1170 г., должны были вести аскетический образ жизни и давать обет молчания.

26 То есть православие.

27 Василий Ш у й с к и й (1552—1612) был приговорен к казни земским собором за распространение слухов о самозванстве

Лжедмитрия; приговор был заменен ссылкой, но вскоре Шуйский был помилован и ему вернули боярство.

28 Имеется в виду подкрестная (или крестоцеловальная) запись Василия Шуйского, ставшая, по словам В. О. Ключевского, «первым опытом построения государственного порядка на основе формально ограниченной верховной власти» (*Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 3. М., 1957, с. 39).

29 В июле 1610 г. Василия Шуйского свергла группа незнатных дворян во главе с Захаром Ляпуновым.

30 Шуйский умер в польском плену; Сигизмунд III Август (1566—1632) — король Польши (с 1578 г.) и Швеции (1592—1604).

31 ...многоглавая гидра аристократии — после свержения Шуйского Москва присягнула Боярской думе.

32 Имеется в виду Владислав (1595—1648) — королевич польский, позднее (с 1632 г.) король Польши Владислав IV Ваза.

33 Речь идет о договоре с Сигизмундом, на котором 17 августа 1610 г. Москва присягнула Владиславу.

34 Михаил Федорович Романов (1596—1645), русский царь с 1613 г.

35 Матерь-инокиня — мать Михаила Романова, Ксения Ивановна (урожденная Шестова); была пострижена в монахини под именем Марфы по распоряжению Бориса Годунова.

36 Н. М. Карамзин имеет в виду хартию, в которой были сформулированы положения, ограничивающие самодержавие. Однако вопрос о существовании такой хартии остается в науке открытым по сей день. Скорее всего следует согласиться с выводом, что «не существовало никаких хартий, которыми определялось бы... взаимоотношение власти и земского представительства, и нет никакой возможности говорить об "ограничении" власти Михаила Федоровича, но тесная связь царя и всей земли и коллективный характер государственной власти при царе Михаиле стоят вне сомнений» (*Власенко П. Г., Платонов С. Ф., Тураев-Церетели Е. Ф.* Начало династии Романовых: Исторические очерки. СПб.,1912, с. 232). В этой же книге отмечается, что «с XVIII в. пошел слух об ограничении власти новоизбранного государя. Он появился... когда в 1730 г. при вступлении Анны Иоанновны явился проект верховников. Тогда стали вспоминать события начала XVII в., и факт правления несовершеннолетнего царя и земского Собора, постоянно находившегося при нем, воспоминание о влиянии администрации на ход дел для умов XVIII в. облеклось в форму боярского ограничения царской власти» (там же, с. 148—149). Первоисточником же слухов об «ограничительной» хартии являются «мемуары» дьяка Котошихина и одна из псковских летописей начала XVII в.

[37] Первая жена Ивана Грозного — Анастасия Романовна Захарьина; ее племянник Федор Никитич Романов, патриарх Филарет (ок. 1556—1637) — отец Михаила Романова.

[38] Соборное Уложение 1649 г. — первый в русской истории «свод законов»; заключает в себе материал, относящийся ко всем отраслям права. Уложение сохранило свое значение вплоть до начала XIX в.

[39] Иоанн I — Иван Калита.

[40] Конечно, преобразования Петра I не сводятся к правильной организации дворянского сословия. Да и сам Н. М. Карамзин так не думал. Поэтому его утверждение о том, что Петр ограничил свои преобразования дворянством, следует понимать в контексте дальнейшего рассуждения. В нем же, по сути дела, провозглашается, что в результате петровских реформ страна была расколота на два мира (две субкультуры) — «немецкий» и традиционно-русский.

[41] Лефорт Франц Яковлевич (1656—1699) — первый русский адмирал, генерал; ближайший друг и сподвижник Петра I.

[42] Тайная канцелярия была создана Петром I в марте 1718 г. в ходе следствия по делу царевича Алексея Петровича. Она относилась к разряду центральных государственных учреждений, являлась органом политического следствия и суда. Подчинялась лично Петру I. Располагалась канцелярия в Петропавловской крепости. Пытки были обычным методом дознания сотрудников этого учреждения. В мае 1726 г. Тайную канцелярию упразднили и ее дела передали Преображенскому приказу, который выполнял аналогичные функции с 1695 г. Данный приказ был главным органом следствия и суда по политическим преступлениям в государственной системе, созданной Петром I. Свое название получил от села Преображенского (под Москвой). Просуществовал до 1729 г.

[43] Согласно «Духовному регламенту», составленному Феофаном Прокоповичем (1681—1736) по заданию и с помощью Петра I, с 1721 по 1918 г. во главе Русской православной церкви стоял Святейший правительствующий синод. Его члены (12 человек) назначались императором из представителей высшего духовенства. Для надзора за деятельностью Синода назначался обер-прокурор из светских лиц. При вступлении в должность члены Синода приносили присягу на верность императору и (до 1901 г.) величали его «Крайним судией Духовной сей Коллегии». Все решения Синода принимались «своею от Царского Величества данной властью», «по указу Его Императорского Величества».

[44] Мен[ь]шиков Александр Данилович (1678—1729) — ближайший сподвижник Петра I. Светлейший князь с 1707 г., генерал-фельдмаршал. Петром II произведен в генералиссимусы.

45 Долгорукие или Долгоруковы — русский княжеский род, происходящий от святого князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Во второй половине 20-х годов XVIII в. представители этого рода играли выдающуюся роль в русской политической жизни.

46 25 мая 1727 г. во дворце Меншикова на Васильевском острове произошло обручение его дочери Марии и двенадцатилетнего императора Петра II. Но 8 сентября этого же года Меншиков был арестован и отправлен в ссылку. Петр II отказался от «невесты».

47 Голицыны — княжеский род, происходящий от великого князя литовского Гедимина. Во второй половине 20-х годов XVIII в. Голицыны наряду с Долгоруковыми — влиятельнейший в России аристократический род.

48 Верховный тайный совет создан 8 февраля 1726 г., ему были подведомственны важнейшие вопросы внешней и внутренней политики. Совету подчинялись Сенат, Синод, три главные коллегии (Военная, Адмиралтейская и Иностранная), Главная полицмейстерская канцелярия и Преображенский приказ. По указу 4 августа 1726 г. все законы государства могли иметь подписи или императрицы, или Совета. При Екатерине I (т.е. до 1727 г.) Совет в основном состоял из представителей «новой знати», «птенцов гнезда Петрова», фактическим его руководителем был А.Д. Меншиков. В период правления Петра II (1727—1730) Совет, по существу, стал органом выражения интересов старых аристократических родов. Среди восьми его членов было четыре князя Долгоруковых и два князя Голицыных.

49 После смерти Петра II Верховный тайный совет обратился к дочери царя Ивана Алексеевича (1666—1696; брат и соправитель Петра I в 1682—1689 гг.) Анне, вдове герцога Курляндского, с предложением занять престол с обязательным принятием «кондиций» (условий). Они были разработаны князем Д. М. Голицыным (1665—1737). Эти условия предполагали ограничение царской власти Верховным советом, без согласия которого императрица не могла решать вопросы войны и мира, проводить назначения выше полковника, расходовать денежные средства, давать вотчины, назначать себе преемника, выходить замуж. Анна подписала кондиции, но большинство дворянства и духовенство выступили против ограничения самодержавия. Императрица «разодрала» кондиции и упразднила Совет (4 марта 1730 г.).

50 Остерман Андрей Иванович (Генрих Иоанн) (1686—1747) — граф, государственный деятель и дипломат. В 1727—1730 гг. был воспитателем Петра II, с 1731 г. фактический руководитель русской внутренней и внешней политики, канцлер. После дворцо-

вого переворота 1741 г. смещен, предан суду и приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Березов, где и умер.

51 Миних Бурхард-Христофор (1683—1767) — граф, военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. В 1742—1762 гг. — в ссылке. Возвращен Петром III.

52 Имеется в виду Бирон Эрнест Иоанн (1690—1772) — герцог Курляндский, фаворит Анны Иоанновны.

53 После роспуска Верховного тайного совета князья Долгоруковы были сосланы и казнены; Д. М. Голицын умер в Шлиссельбургской крепости.

54 В ходе первого заговора (8 ноября 1740 г.) Миних арестовал Бирона, назначенного Анной Иоанновной перед своей смертью (17 октября 1740 г.) регентом при наследовавшем ей императоре-младенце Иоанне Антоновиче (1740—1764). Добродушная правительница — Анна Леопольдовна (1718—1746), племянница Анны Иоанновны и мать Иоанна Антоновича. После падения Бирона объявила себя правительницей государства, 25 ноября 1741 г. была свергнута Елизаветой Петровной (второй заговор).

55 Лекарь-француз — Лесток Иоган-Герман (1692—1776), граф, лейб-медик; сыграл выдающуюся роль в перевороте 1741 г., будучи связным между Елизаветой Петровной и французским послом маркизом де Шетарди, одним из инициаторов «антинемецкого» заговора.

56 Малороссийский певчий — Разумовский Алексей Григорьевич (1709—1771), граф, генерал-фельдмаршал, государственный и военный деятель, фаворит, а с 1742 г. — муж Елизаветы Петровны. Обладал прекрасным голосом, в молодости пел в придворной капелле. Голубая лента — орден Андрея Первозванного.

57 Речь идет о семилетней войне (1756—1763) между двумя коалициями — Англии и Пруссии против союза Австрии, Франции, России, Швеции и Саксонии.

58 Бестужев Алексей Петрович (1693—1766) — граф, генерал-фельдмаршал, канцлер, государственный деятель и дипломат.

59 Шувалов Петр Иванович (1711—1762) — граф, генерал-фельдмаршал, государственный деятель. Выхлопотал себе исключительное право на отпуск за границу леса, сала, ворвани, в также монополию тюленьего промысла.

60 Петр III (1728—1762) — внук Петра I и внучатый племянник Карла XII. О его «жалких пороках» достаточно хорошо известно, и его репутация не вызывает сомнений. Однако следует сказать, что короткое царствование Петра III ознаменовалось рядом исторических решений. Первое среди них — Манифест о вольности дво-

рянства (18 февраля 1762 г.), освобождавший дворян от обязательного несения государственной службы и позволявший неслужащим дворянам ехать за границу (можно было также поступать на службу к другим европейским монархам, а по возвращении на родину вновь идти на русскую службу с сохранением чина, «заработанного» на чужбине).

61 Как уже указывалось выше, в 1726 г. Тайная канцелярия была упразднена. 21 февраля 1762 г. последовал указ о ликвидации Тайных розыскных дел канцелярии (создана Анной Иоанновной 24 марта 1731 г.), а также запрещено выражение «слово и дело». Так что это произошло при Петре III, а не при Екатерине II. Напротив, «небесная благость во плоти» (Державин об императрице) в октябре 1762 г. создает Тайную экспедицию (просуществовала до 1801 г., уничтожена Александром I). Формально экспедиция находилась в ведении Сената, но фактически являлась самостоятельным государственным институтом. И хотя Екатерина II неоднократно заявляла, что в Тайной экспедиции не пытают, на самом деле там применялись не менее жестокие пытки, чем ранее.

62 Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796) — граф, генерал-фельдмаршал, полководец и государственный деятель.

63 Вяземский Александр Алексеевич (1727—1796) — князь, генерал-прокурор, государственный деятель.

64 Манифестом от 18 февраля 1762 г. Петр III установил полную свободу дворян в отношении государственной (военной и гражданской) службы.

65 Екатерина II учредила два новых ордена — св. Георгия Победоносца и св. Владимира.

66 7 ноября 1775 г. Екатериной II были утверждены «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи».

67 Н. М. Карамзин имеет в виду хорошо известное (в том числе и современникам) резко негативное отношение Екатерины II к своему сыну. Таким своим отношением она до крайности развила дурные черты его характера.

68 То есть духом жестокой, «прусcаческой» муштры.

69 При Павле I запрещалось носить круглые шляпы, отложные воротники, длинные панталоны, фраки, жилеты, сапоги с отворотами; нельзя было также коротко стричься и зачесывать волосы на лоб. Предписывалось носить башмаки, пудрить волосы, зачесывать их назад и иметь косички. Переориентация костюма и внешнего облика подданного с французского на прусские образцы была одной из важных мер в павловской антиреволюционной (и соответственно антифранцузской) политике. Одновременно это была борьба с на-

следием матери. При Екатерине же русское дворянство следовало французской моде.

70 Имеется в виду Михайловский замок, где в марте 1801 г. Павел I был убит заговорщиками.

71 Ивана IV и Павла I.

72 А. В. Суворова.

73 Герман Иван Иванович (1740—1801) и Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753—1840) — русские генералы, потерпевшие поражение от французов в битве при Бергене (8 сентября 1799 г., Голландия).

74 В битвах при Треббии (7—8 июня 1799 г.) и Нови (2 августа 1799г.) русские войска под командованием А. В. Суворова одержали внушительные победы над французами; были разгромлены крупные полководцы — Макдональд, Жубер, Моро.

75 Речь идет о Моркове Аркадии Ивановиче (1747—1827) — графе, сенаторе, дипломате, в 1801—1803 гг. — после в Париже. Н. М. Карамзин называет его Марковым.

76 26 сентября 1801 г. Россия и Франция заключили мирный договор, а через несколько дней Морков и Талейран подписали конвенцию, по которой Франция, по сути дела, получала преобладающее влияние на ход дел в Баварии.

77 В 1803 г. Талейрану была подана нота протеста в связи с тем, что французское правительство, арестовав швейцарца Кристена и обвинив его в антифранцузской деятельности, делало в этом обвинении акцент на том, что этот человек довольно долгое время состоял на русской службе. Правда, нота протеста была вручена не Морковым.

78 У Моркова не сложились отношения с Наполеоном, и в конце 1803 г. он был отозван из Парижа. По возвращении Морков становится кавалером ордена Андрея Первозванного.

79 Долгоруков Петр Петрович (1777—1806) — князь, один из приближенных Александра I, в битве при Аустерлице командовал пехотой в корпусе Багратиона, выполнял дипломатические поручения императора. После Аустерлицкой битвы был послан в Берлин с целью получить разрешение на проход русских войск через Пруссию.

80 Бенигсен — Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745—1826), граф, генерал от кавалерии, участник дворцового переворота 11 марта 1801 г., в 1806—1807 гг. главнокомандующий русских войск; в 1812 г. — начальник главного штаба.

81 Толстой Петр Александрович (1761—1844) — граф, генерал от инфантерии; в кампании 1806—1807 гг. командовал резервом русской армии. Участник войны 1812—1814 гг.

82 22 октября 1805 г. были подписаны «Русско-прусская конвенция о совместных действиях против Франции» и «Декларация о присоединении Австрии к русско-прусской конвенции о совместных действиях против Франции».

83 Мак — Макк Карл (1758—1828), барон, австрийский фельдмаршал, в 1805 г. при Ульме потерпел поражение от французов, после чего был судим.

84 Карл Людовик-Иоганн (1771—1847) — эрцгерцог, австрийский фельдмаршал, в 1805 г. — военный министр.

85 Изгнанник Франц — Франц II (Иосиф Карл) (1768—1835), в качестве императора австрийского носил имя Франца I, с 1792 г. император Священной Римской империи; отец Марии-Луизы, второй жены Наполеона.

86 Тильзитский мир был заключен летом 1807 г. Россия признала наполеоновские завоевания в Европе, Пруссия потеряла значительную часть земель и т.д. В целом Тильзитское соглашение было для России неблагоприятным.

87 Речь идет о заключенном 8 июля 1806 г. в Париже мирном трактате между Россией и Францией, который решал спорные вопросы по преимуществу в пользу Франции. Наполеон ратифицировал его через шесть часов после подписания. Когда же текст соглашения был привезен в Петербург, Александр отказался его ратифицировать. Полуминистр Убри — Уббри Петр Яковлевич (1774—1847), действительный тайный советник, посланник в Мадриде и Франкфурте.

88 Война 1806—1807 гг.

89 В битвах под Пултуском (14 декабря 1806 г.) и Прейсиш-Эйлау (27 января 1807 г.) Наполеону не удалось разбить русские войска.

90 Сражение под Фридландом (2 июня 1807 г.) закончилось победой французов.

91 По Тильзитскому соглашению, из польских областей, принадлежавших Пруссии, создавалось самостоятельное Варшавское герцогство — французский плацдарм на западных границах Российской империи.

92 Русско-шведская война 1808—1809 гг.

93 Мы завоевали Финляндию... — по Фридрихсгамскому мирному договору между Россией и Швецией Финляндия вошла в состав России. Монитер — «Moniteur Universel» или «Gazzette Nationale» — газета, основана в 1789 г.; официальный орган правительства Франции с 1799 по 1865 г. Наполеон всячески поддерживал идею войны России со Швецией. Этим наносился удар по Англии, чьей союзницей являлась Швеция, а Россия отвле-

кала свое внимание и силы от европейских дел. Разумеется, официальная французская пресса приветствовала успехи русского оружия.

94 К а р л — Карл Людовик-Иоганн (см. примеч. 84).

95 Эрц-герцог Иоанн — Карл Людовик-Иоганн.

96 В битве при Ваграме (6 июля 1809 г.) Наполеон наголову разбил австрийские войска.

97 Губернской реформой 1775 г. были созданы палаты уголовного и гражданского суда, а также Казенные палаты. Палаты уголовного суда были поначалу местными органами Юстиц-коллегии (создана в 1719 г.). Эта коллегия помимо прочего заведовала местными судами. После упразднения в 1786 г. Юстиц-коллегии ее функции (но лишь отчасти) перешли к палатам уголовного суда. Последние являлись судами второй инстанции. Они решали дела по наиболее тяжким преступлениям, рассмотренным сословными судами губернии, но не в качестве кассационной или апелляционной инстанции, а в качестве ревизионно-решающей. Нижестоящий суд после рассмотрения дела передавал его в обязательном порядке в палату, которая и выносила свой приговор (хотя на практике палаты уголовного суда были и ревизионно-решающими, и кассационными, и апелляционными инстанциями). Палаты гражданского суда возникли как местные органы сразу двух коллегий — Юстиции и Вотчинной (заведовала дворянским землевладением). Принципы деятельности палат гражданского суда те же, что и у палат уголовного суда. Казенная палата — местный орган двух финансовых коллегий. Камер-коллегия ведала государственными доходами, Ревизион-коллегия осуществляла финансовый контроль. В 1781 г. Камер-коллегию упразднили, и ее функции (на губернском, конечно, уровне) перешли к Казенным палатам. Ряд коллегий просуществовал до начала XIX в.

98 Берг-, Мануфактур- и Коммерц-коллегии.

99 По реформе 1775 г., в каждой губернии создавались сословные суды второй инстанции для рассмотрения в апелляционном порядке уголовных и гражданских дел. Для дворян — верховные земские суды (члены суда выборные). Для государственных, экономических, дворцовых крестьян, ямщиков, однодворцев — верхние расправы (также выборный орган). В конце 1796 г. все губернские сословные суды были упразднены.

100 В 1796 г. палаты уголовного и гражданского суда были объединены в палату суда и расправы. Эта палата имела меньшие полномочия, чем ее предшественницы.

101 Первые восемь министерств были учреждены Манифестом 8 сентября 1802 г.

102 ...согласно с мыслями фельдмаршала Миниха... — Речь, очевидно, идет о «Записках Миниха», в которых этот крупный государственый деятель предлагал ряд институциональных реформ. Существует мнение, что «Записки» составлены Минихом для Екатерины II и с ее согласия.

103 Н. М. Карамзин имеет в виду Министерство полиции, созданное по закону «О разделении государственных дел по министерствам» (17 августа 1810 г.).

104 То есть Сенат.

105 Комитет министров был учрежден одновременно с министерствами — 8 сентября 1802 г.

106 Государственный совет создан 1 января 1810 г. Он был высшим законосовещательным органом, члены которого назначались императором. По должности в состав Совета входили министры. Делопроизводство Совета велось в Государственной канцелярии, которая возглавлялась Государственным секретарем.

107 В 1768 г. Екатерина II образовала Совет при высочайшем дворе — совещательное учреждение по вопросам внешней и внутренней политики. В него входили начальники высших и центральных учреждений, а также крупнейшие военачальники.

108 В более точном переводе эта фраза (из «О духе законов») звучит следующим образом: «Она (монархия.— *Ю. П.*) еще нуждается в учреждении, охраняющем законы» (*Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955, с. 177).

109 «Состоящий при государе совет не годится для этой цели. По самой природе своей он есть исполнитель и блюститель тех распоряжений монарха, которые имеют временный характер, а не охранитель основных законов. Сверх того, совет государя постоянно меняется, он не действует непрерывно, он не пользуется в достаточно высокой степени доверием народа и потому не в состоянии ни вразумить его в затруднительных обстоятельствах, ни привести его к повиновению» (*Монтескье Ш.* Избранные произведения, с. 177).

110 «Вняв мнению Государственного совета» (*франц.*).

111 Наказ — вторая часть указа 25 июня 1811 г. об «Общем учреждении министерств», определившего единообразие организации и делопроизводства министерств, систему взаимоотношений их структурных частей, а также взаимоотношения министерств с другими учреждениями (первая часть указа —«Образование министерств»).

112 М. М. Сперанский.

113 Здесь весьма вольно переведено рассуждение из «Государя».

114 Государственный совет, Государственный секретарь, Охранительный сенат, министры внутренних дел, юстиции, финансов, образования, полиции, культов (*франц.*).

115 30 ноября 1806 г. в Манифесте, адресованном дворянству и «свободным подданным» (купцам, мещанам, государственным крестьянам), Александр I призвал создавать милицейские отряды (ополчение) для поддержки регулярной армии в связи с угрозой вторжения французской армии в пределы России.

116 Именные указы — акты, собственноручно подписанные императором. После учреждения в 1810 г. Государственного совета некоторые законы, прошедшие через него, утверждались в форме именных указов, которые также подписывали соответствующие министры.

117 Указ об экзаменах от 6 августа 1809 г. вводил порядок, согласно которому при производстве в чины VIII класса (коллежский асессор) и V класса (статский советник) чиновники были обязаны представлять свидетельство об окончании университета (отечественного), а не имеющие такового — сдать соответствующие экзамены.

118 М. М. Сперанский.

119 Это суждение о Борисе Годунове подтверждает и современная историческая наука. В. О. Ключевский же, к примеру, полагал мнение об установлении крепостной неволи Годуновым исторической сказкой.

120 Атлас — Атлант.

121 Рамена — плечи (*церк. слав.*).

122 Русско-турецкая война 1806—1812 гг.

123 Во исполнение Тильзитского соглашения Россия порвала с Англией и присоединилась к континентальной блокаде.

124 Манифест о налогах был издан 2 февраля 1810 г. В основу его положен составленный М. М. Сперанским «План финансов». Исходным моментом этого плана было требование обязательного соответствия расходной части бюджета его доходной части. «План» предусматривал прекращение выпуска ассигнаций (они объявлялись государственным долгом) и рост налогов (в том числе и на дворянские имения). Во многом благодаря этому «Плану» уже в 1811 г. дефицит государственного бюджета сократился до 6 млн. руб. (в 1809 г. — 105 млн. руб.), доходы же возросли до 300 млн. руб. (в 1809 г. — 125 млн. руб.).

125 Бюш Анри-Мишель (1600—1666) — французский экономист; его идеи пользовались популярностью в конце XVIII в.

126 Куна — денежная единица в Древней Руси.

127 Югория — Пермские земли.

128 Города анзеатические — ганзейские, т.е. города Северной Германии, создавшие торговый союз.

129 Анна Леопольдовна.

130 Как уже отмечалось, в Манифесте 2 февраля 1810 г. ассигнации были объявлены государственным долгом, обеспеченным «всеми богатствами империи».

131 Наряду с Манифестом 2 февраля 1810 г. был издан и разослан так называемый «Разум Манифеста» — извлечение из «Плана финансов» М. М. Сперанского. В «Разуме» подчеркивалось, что серебро, а не медь является государственной монетой и что ассигнации надо сокращать путем их выменивания на серебро и последующего уничтожения.

132 Имеется в виду М. М. Сперанский.

133 Манифест о тарифе 19 декабря 1810 г. Новый таможенный тариф был подготовлен М. М. Сперанским после консультаций с представителями купечества и крупнейшими русскими экономистами того времени Н. С. Мордвиновым (1754—1845) и О. П. Козодавлевым (начало 50-х годов XVIII в.— 1819). Принятие этого тарифа означало полную «смену вех» во внешней торговле — переход от фритредерства к протекционизму. По мнению специалистов, тариф помог выстоять русской промышленности в условиях континентальной блокады и оказался эффективным орудием борьбы с торговой экспансией Франции.

134 1 января 1807 г. был издан манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, преимуществах и новых способах к распространению торговых предприятий». В советской исторической науке этот манифест оценивается положительно, так как по нему купечество получало различные льготы и лучшие условия для организации торгового дела.

135 Федор Алексеевич (1660—1682) — царь (с 1676), сын Алексея Михайловича от Милославской. Воспитывался Симеоном Полоцким. Уничтожил местничество.

136 Соборное Уложение 1649 г.

137 Законодательная комиссия 1754 г. была создана при Сенате. Через год комиссия представила Сенату две части Свода законов, однако работу комиссии признали неудовлетворительной.

138 Манифестом 14 декабря 1766 г. Екатерина II учредила Комиссию для составления нового «Уложения». С 31 июня по 15 декабря 1767 г. деятельность ее протекала в Москве, а в 1768 г. (до 17 декабря) — в Петербурге. Уложенная Комиссия (так ее называли) была созвана как сословно-представительный институт. На одном из первых заседаний был зачитан «Наказ» Екатерины II. Этот политический документ в целом представляет собой компиляцию, составленную по нескольким произведениям просветитель-

ской литературы; прежде всего это — «О духе законов» Ш. Монтескье и «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа.

139 Комиссия составления законов была образована в 1802 г., ее председателем стал граф П. В. Завадовский (1739—1812). После отставки П. В. Завадовского комиссию очень недолго возглавляли сначала Г. Р. Державин, затем князь П. В. Лопухин (1753—1827).

140 «Фридрихов Кодекс» — «Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten». Кодекс вступил в силу в 1794 г., т.е. через восемь лет после смерти Фридриха II Великого, короля прусского. Однако Кодекс справедливо носит имя Фридриха, так как работа над ним велась именно в годы правления этого выдающегося деятеля XVIII в.

141 Кодекс Юстиниана — одна из составных частей Кодификации Юстиниана (Corpus juris civilis); две другие — Институции и Дигесты. Кодекс включает 4652 отрывка из императорских распоряжений (конституций), изданных начиная с императора Андриана (II в. до н.э.) и кончая самим Юстинианом (VI в.). В кодексе излагаются церковное, частное, уголовное, административное, финансовое право, а также обязанности государственных служащих.

142 В 1803 г. Комиссию составления законов присоединили к Министерству юстиции. Ее руководителем стал товарищ министра граф Н. Н. Новосильцев (1761—1836). Фактическим же главой комиссии, ее мозгом был Густав Розенкампф, немецкий юрист, проживавший в России.

143 16 декабря 1808 г. М. М. Сперанский сменяет Н. Н. Новосильцева на посту товарища министра юстиции со специальным поручением возглавить комиссию. Он предлагает новый план ее деятельности, заключавшийся в составлении уложений (гражданского, уголовного, коммерческого), полицейского устава и т.п. 1 мая 1809 г. проект «Уложения гражданских законов» вносится на рассмотрение комиссии, а 1 января 1810 г., в день открытия Государственного совета, первая часть данного «Уложения» — на его рассмотрение. Сама комиссия преобразуется в департамент законов Совета, М. М. Сперанский назначается директором департамента. В это же время он трудится над подготовкой второй (право вещественное) и третьей (право договора) частей гражданского уложения. В течение 1810 г. Государственный совет рассмотрел и одобрил первые две части, третья, по словам М. М. Сперанского, «требовала только отделки» (План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. М., 1905 , с. 338).

144 В известном своем письме Александру I М. М. Сперанский резко возражал против этого мнения (письмо написано в 1813 г. в Перми, где он находился в ссылке с осени 1812 по осень 1814 г.). «Другие искали доказать, что уложение, мною внесенное, есть пе-

ревод с французского или близкое подражание: ложь или незнание, кои изобличить также нетрудно, ибо то и другое напечатано. В источнике своем, т.е. в Римском праве, все уложения всегда будут сходны; но со здравым смыслом, со знанием сих источников и коренного языка можно почерпать из них, не подражая никому и не учась ни в Немецких, ни во Французских университетах» (План государственного преобразования графа М. М. Сперанского, с. 338—339). Наполеонов Кодекс — Code Napoleon. Действующая поныне кодификация гражданского права Франции оказала огромное влияние на развитие гражданского права во всем мире. Кодекс создавался при непосредственном участии Наполеона. Включает нормы гражданского, семейного, процессуального, трудового права.

145 Кормчая книга — перевод византийского Номоканона, свода церковных правил и касающихся церкви законов византийских императоров. В допетровский период все внутрицерковное управление строилось на нормах Кормчей книги. По мнению Н. М. Карамзина, до издания Судебников 1497 и 1550 гг. Кормчая книга «служила у нас гражданским уложением» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. СПб., 1819, с. 354).

146 «... Участие в нижеуказанных гражданских правах» (Французский гражданский кодекс. М., 1941, с. 28 [ст. 22]).

147 В Кодексе сказано: «Il ne peut procéder en justice, ni en défendant, ni en demandant, que suos le nom par le ministére d'un curateur special, qui lui est nommé par le tribunal où l'action est portee» (Code civil. P., 1960, с. 44 [Art. 25]. На русский это переведено следующим образом: «Он может выступать в суде, как ответчиком, так и истцом, лишь под именем и через посредство специального попечителя, который ему назначается трибуналом, в котором предъявлен иск» (Французский гражданский кодекс, с. 29[ст. 25]).

148 «Зеркала, находящиеся в помещениях, признаются установленными навсегда, если пол, к которому они прикреплены, составляет целое с деревянной рамой... Что же касается статуй, то они признаются недвижимостями, когда они помещены в нише, сделанной нарочно для их постановки, хотя бы они могли быть сняты без их повреждения или ухудшения» (Французский гражданский кодекс, с. 150 [ст. 525]).

149 Аллювий, нанос (*франц.*).

150 Семейный совет (*франц.*).

151 Н. М. Карамзин неточно цитирует Кодекс. Там сказано: «Ainsi, sont incapables de succéder: 1. Celui qui n'est pas encore concu; 2. L'enfant qui n'est pas né viable» (Code civil, с. 344 [Art. 725]) — «Поэтому неспособны наследовать : 1) тот, кто еще не зачат;

2) ребенок, который родился нежизнеспособным» (Французский гражданский кодекс, с. 184 [ст. 725]).

152 Морской устав — написан Петром I и принят в 1720 г. Устав представляет собой собрание морских уголовных законов и морских сигналов.

153 Эта цитата, по всей вероятности, взята из работы Монтескье «О духе законов», однако ее не удалось отыскать в оригинале.

154 Капитан-исправник — чиновник, возглавлявший полицейскую власть в уезде.

155 Здесь Н. М. Карамзин излагает одно из ключевых положений политической доктрины Макиавелли (см.: Государь, с. 65-70).

156 Н. М. Карамзин имеет в виду Именной указ от 28 июня 1807 г., согласно которому чиновникам Комиссариатского и Провиантского департамента Военной коллегии за плохое исполнение обязанностей в снабжении и пропитании армии во время франко-русской войны и за воровство запрещалось носить общий армейский мундир. Исключение было сделано для генерал-кригскомиссара Обрезкова и генерал-провиантмейстера князя Шаховского, незадолго до указа назначенных на должности.

157 Палладиум (или Палладий, Палладион) — священное изображение Афины Паллады. Наличие этого изображения греками и римлянами полагалось залогом благополучия и процветания.

158 «Нет монарха, нет и дворянства; нет дворянства, нет и монарха» (*Монтескье Ш.* Избранные произведения, с. 176).

159 Дворянские мундиры были введены в России Екатериной II. Каждая губерния имела мундир особого цвета.

160 Повытье — дело, которым ведает столоначальник.

161 Иереи — священники (*греч.*).

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

КАРАМЗИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

**Записка
о древней и новой России
в ее политическом и гражданском
отношениях**

Редактор Е. Г. Руденко
Младший редактор М. С. Грикурова
Художник Э. Л. Эрман
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор В. П. Стуковнина
Корректор В. А. Рощина

ИБ N 17154

Сдано в набор 27.06.91. Подписано к печати 10.10.91. Формат 70×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. п. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 6,12. Уч.-изд. л. 6,12. Тираж 500 00[redacted] экз. Изд. № 7362. Зак. № 2389. Цена договорная

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано с оригинал-макета
в Ордена Ленина
типографии "Красный пролетарий"
103473, Москва И-473, Краснопролетарская, 16

Серия "Ретроспективная и сравнительная политология" публикует исследования и материалы по истории и теории политической культуры у разных народов мира.

ЗАПИСКА О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ

Вот уже два столетия идет великий спор славянофилов и западников: что есть Россия? Каков ее исторический удел? Часть ли это Европы или самобытная цивилизация? Но мало кто знает, что все эти вопросы первым сформулировал Карамзин в своей "Записке о древней и новой России". Это – первый наш опыт философско-исторического и политического самопознания. "Записка" возвещает о том, что в отечественной истории наступила эпоха зрелости и глубоких раздумий по поводу ценностных оснований культуры. Все, что произойдет с нами потом и происходит поныне, невозможно понять, не усвоив той проблематики, на которой сосредоточено внимание Карамзина. И сегодня, когда наша Родина вновь находится на историческом перепутье, этот карамзинский документ – необходимая опора и подмога в выборе пути и средств осуществления выстраданных преобразований.